

Георгий
Владимов:

*бремя
рыцарства*

Светлана
Шнитман-МакМиллин

Великие шестидесятники

Светлана Шнитман-МакМиллин

**Георгий Владимов:
бремя рыцарства**

«Издательство АСТ»

2022

УДК 821.161.1.09
ББК 83.3(2Рос=Рус)6

Шнитман-МакМиллин С.

Георгий Владимов: бремя рыцарства / С. Шнитман-МакМиллин — «Издательство АСТ», 2022 — (Великие шестидесятники)

ISBN 978-5-17-151205-7

Книга филолога-слависта Светланы Шнитман-МакМиллин написана в трех жанрах. Повествование о яркой и насыщенной биографии писателя, диссидента и правозащитника Георгия Владимова тесно связано с исследованием его литературных произведений и личным свидетельством – рассказом о дружбе автора с Владимовым. Так вырисовывается портрет одного из наиболее важных прозаиков второй половины XX века и человека, чье гражданское мужество вызывает глубокое восхищение. Текст приводится в авторской редакции. В формате PDF A4 сохранён издательский дизайн.

УДК 821.161.1.09
ББК 83.3(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-17-151205-7

© Шнитман-МакМиллин С., 2022
© Издательство АСТ, 2022

Содержание

Предисловие	6
Глава первая	9
Глава вторая	12
Глава третья	19
Глава четвертая	22
Глава пятая	30
Глава шестая	34
Глава седьмая	43
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Светлана Шнитман-МакМиллин

Георгий Владимов: бремя рыцарства

© Шнитман-МакМиллин С.

© Рыбаков А.И., художественное оформление

© ООО «Издательство АСТ»

* * *

*Светлой памяти
Екатерины Владимировны Эйлер
и моего любимого друга
Виктора Ефимовича Кельнера*

Предисловие

Эта книга – первое расширенное исследование биографии и литературного творчества Георгия Николаевича Владимова на русском языке, хотя и не первая монография о нем. В 1999 году в серии публикаций о русской литературе в эмиграции, выпущенных Ягеллонским университетом в Кракове, было напечатано исследование Кристины Петшицкой-Бохосевич «В поисках подлинности. О прозе Георгия Владимова»¹. Оно включает биографические сведения о писателе, обзор и анализ его прозы и публицистики. Кристина Петшицка-Бохосевич посетила Владимовых в Германии, и Георгий Николаевич старался помочь ей в работе, хотя прочитать эту книгу из-за незнания языка он не смог. Небольшой объем работы Петшицкой-Бохосевич определен рамками серии, но эта серьезная монография – первое систематизированное исследование творчества Владимова, и в этом несомненная заслуга ее автора.

В 2001-м было издано развернутое эссе «Крепости и плацдармы Георгия Владимова»², написанное критиком Львом Аннинским. Оно особенно ценно тем, что Аннинский, ровесник и друг Владимова, прекрасно воссоздает восприятие и воздействие книг писателя в контексте современной обоим эпохи.

О Владимове написаны сотни статей, многие из которых будут с благодарностью упомянуты в моем исследовании и в библиографии³. Но значение его литературных произведений и его поразительная судьба настолько важны для истории русской литературы, культуры и жизни общества, что углубленное изучение его биографии и творчества представляется совершенно необходимым. Я надеюсь, что это исследование станет еще одной вехой, за которой последуют новые книги и статьи, посвященные творчеству замечательного писателя.

Об источниках и структуре книги

Я познакомилась с Георгием Николаевичем Владимовым в эмиграции, и наше общение было особенно интенсивным в 1997–1999 годах. Волею случая или судьбы я оказывалась в его орбите в моменты перелома или кризисов его жизни на Западе, когда ему хотелось говорить и нужен был собеседник: в самом начале эмиграции в Германию в 1983-м; в 1993 году, через несколько лет после разрыва с Народно-трудовым союзом российских солидаристов (НТС), когда изоляция и неблагополучие были особенно острыми; и в конце 1990-х после смерти жены Наталии Евгеньевны Кузнецовой, когда одиночество в Нидернхаузене казалось ему почти невыносимым.

В этот период и до получения жилья в Переделкине он несколько раз в год приезжал на недельку погостить к нам Лондон. Каждый раз я спрашивала, хочет ли он выступить в университетах или в русских клубах, но он предпочитал, чтобы визиты оставались частными. Стараясь развлечь и отвлечь его, я проводила с ним почти все время. Я уже думала о написании книги. Во время одного из своих приездов Георгий Николаевич, отвечая на мои вопросы, наговорил на магнитофонную пленку пятичасовой рассказ о своем творчестве и насыщенной событиями жизни. Запись шла с перерывами, так как мы отвлекались на прогулки, чаепития, походы в музеи и магазины, семейные ужины и застолья с друзьями. При этом мы постоянно

¹ *Petrzycka-Bohosiewicz K. W poszukiwaniu autentyzmu. Twórczość prozatorska Georgija Władimowa. Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego, Kraków, 1999. № 6. 226 с. (Literatura Rosyjska – emigracja – tamizdat – samizdat.) (Здесь и далее примеч. авт.)*

² *Аннинский Л. Крепости и плацдармы Георгия Владимова: в помощь преподавателям, старшеклассникам и абитуриентам. М.: Изд-во МГУ, 2001. 104 с.*

³ См. также подробный обзор библиографии: *Чистяков А. Творчество Г. Владимова в оценке литературной критики. М.: Вестник РУДН, 2014. № 1. С. 51–60. (Литературоведение. Журналистика.)*

разговаривали, Георгий Николаевич вспоминал и рассказывал, и я всегда после этого делала для себя заметки. Он также составил для меня хронологию событий своей жизни. В результате в моих руках оказался совершенно неупорядоченный, но бесценный материал – жизнь и целая эпоха, рассказанная голосом незаурядного человека и прекрасного писателя. Впечатление от его личности – сложной, яркой, крупной и поразительно талантливой – не ослабело с годами. Мои попытки отстраниться, «остраниться» и написать книгу, придерживаясь принятых академических канонов, оказались бессмысленны и неплодотворны. Из текста исчезали его живые слова и суждения, его реакции, его живое присутствие и теплота – доверенный мне писателем поразительный рассказ о себе и своей судьбе. Поэтому я решила, что должна сохранить и воспроизвести как можно больше от личности самого Владимова, каким он остался в моей памяти и жизни.

Владимов передал значительную часть своего архива в Forschungsstelle Osteuropa (Исследовательский центр Восточной Европы) Бременского университета. Многие материалы этого архива, как и сохранившиеся в РГАЛИ, были использованы при написании этой книги.

Важный источник представляют письма и свидетельства современников и друзей: Василия Аксенова, Льва Аннинского, Владимира Войновича, Бориса Мессерера и других. Мемуарный очерк Марины Владимовой «Мой отец Георгий Владимов» бесценен рассказом о последних годах его жизни.

Владимов был человеком чрезвычайно активным в гражданской жизни, и в его судьбе преломились самые значительные события сложной эпохи, повлиявшие на развитие его характера и таланта. Его жизнь неразрывно связана с его прозой, и поэтому структура моей работы определилась как биографическое повествование, чередующееся с главами, в которых анализируются основные литературные произведения: повести «Большая руда» и «Верный Руслан», пьеса «Шестой солдат», роман «Три минуты молчания», рассказ «Не обращайтесь вниманья, маэстро» и последнее произведение – роман «Генерал и его армия». Ссылки на неоконченную повесть «Долгий путь до Типперэри» можно найти в главах «Волчонок Берии» и «Поход к Зощенко».

Рамки работы

Две большие области творческой жизни Георгия Владимова остаются за пределами этой книги.

Первая – критика, в которой он начал свою жизнь в литературе. Некоторые статьи 1950–1960-х годов, которые он считал наиболее удавшимися, входят в последний, четвертый том его собрания сочинений, но это лишь небольшая часть материала. В молодости основным источником существования Владимова были внутренние рецензии, хранящиеся в архивах периодических изданий. Так как он был необычайно талантливым критиком и его статьи раскрывали очень многое в литературном процессе и атмосфере эпохи, можно надеяться, что исследование этого материала будет проведено.

Вторая – общественно-политическая публицистика Владимова и анализ многочисленных интервью с ним. Часть материалов опубликована в четвертом томе его собрания сочинений, а также книге «Бремя свободы» и статьях периодических изданий – газетах «Русская мысль», «Московские новости», «Литературная газета», в журнале «Знамя» и других. Много публикаций, записей и выступлений Владимова на политические, социальные и литературные темы хранится в архиве радиостанции «Свобода»⁴. Это отдельная обширная область творческой и общественной деятельности писателя, требующая многостороннего анализа политических, социальных и литературных процессов 1983–2003 годов. Она интересна не только для

⁴ Внесена Минюстом России в реестр СМИ-иноагентов.

историков литературы, но и для социологов, культурологов, политологов. Их совместные усилия в изучении этой стороны творчества Георгия Владимова могли бы дать очень интересный результат для понимания не только литературного наследия писателя, но и веяний и перемен переломной эпохи последних десятилетий его жизни.

Технические примечания

1. Все литературные тексты цитируются по четырехтомному собранию сочинений Владимова, выпущенному в 1998 году в Москве издательством «NFQ/2Print»⁵. После каждой цитаты в круглых скобках цифрами указываются том и страница текста. Это относится также к публицистическим и документальным материалам, вошедшим в собрание сочинений.

2. Все цитаты, воспроизведенные *курсивом* в кавычках, – прямые слова Г.Н. Владимова, записанные мною во время встреч с ним. В некоторых случаях, когда цитаты длинные, они выносятся из основного текста и после них стоят в скобках инициалы «ГВ».

3. Несколько глав сопровождаются «Архивными приложениями». После цитат из них в основном тексте в скобках стоят буквы «АП» и дается ссылка на главу.

4. После всех цитат из материалов архива Forschungsstelle Osteuropa в скобках стоят буквы «FSO». Архив Владимова пока не каталогизирован, поэтому дать более конкретные указания на хранение отдельных документов не представляется возможным.

5. В редких случаях воспоминания Г.Н. Владимова об отдельных мелких деталях, рассказанные мне и другим людям, не совпадают. В этом случае я привожу свой вариант, но в сноске упоминаю о расхождении.

6. Все письма, воспроизведенные в тексте, приводятся в оригинальной орфографии и пунктуации.

⁵ Это собрание сочинений доступно также на сайте: <https://imwerden.de/razdel-620-str-1.html>.

Глава первая Камушек в небо

*Ты не часто мне снишься, мой Отчий Дом,
Золотой мой, недолгий век.*

Александр Галич. Песня об Отчем Доме

Георгий Николаевич Владимов (Волосевич) появился на свет в Харькове 19 февраля 1931 года. «*Русские писатели складываются из половинок и четвертинок*», – ответил Владимов на мой вопрос о родителях. Его мать Мария Оскаровна Зейфман – еврейская «*половинка*» – родилась в 1902-м в Полтаве в интеллигентной семье с давней традицией женского образования. Бабушка Дона Янкелева⁶ Лернер, окончив медицинские курсы при Харьковском университете, практиковала акушерство. Образованная и очень музыкальная, она обожала поэзию и кинематограф. Дедушка Ошер Мовьевич Зейфман занимал солидный пост в страховой компании «Россия». Их дочери Мария и Ида учились в лучшей женской гимназии города и играли на рояле. Старшая, Мария, с детства обожала Пушкина и сочиняла стихи.

По воспоминаниям Марии Оскаровны⁷, родители ее были не особенно религиозны. Но каждую пятницу с восходом первой звезды зажигались семь свечей в серебряной меноре и сервировался обильный ужин, на который приходил овдовевший сослуживец отца. После ужина мать и девочки музицировали. Более строгие еврейские ритуалы, молитвы и кошерная еда связывались только с нечастыми посещениями бабушек и дедушек.

Благополучный быт семьи оборвался с началом Гражданской войны. Страховая компания прекратила свое существование, и Ошер Мовьевич сменил несколько мест работы: колбасная фабрика, обувная, банк – предприятия закрывались одно за другим. Дона Янкелева опять занялась акушерством, по вечерам иногда подрабатывая тапером в кинотеатре. Семья ходила в кинематограф бесплатно, что было радостным развлечением в тяжелые времена. Родителям новый режим совершенно не нравился. Ошер Мовьевич вздыхал и помалкивал, а импульсивная Дона Янкелева досадливо охарактеризовала советскую власть – «*Холера!*»:

Этим же словом бабка, и когда жила с нами после войны и была уже в полном склерозе, реагировала на все разговоры о происходящих в стране безобразиях. И голос ее делался все более пронзительным, а интонация агрессивной. Мать ее осаждала, шикала на нее, даже покрикивала, а я внутренне как-то усмехался и сочувствовал (ГВ).

В отличие от родителей, Мария Оскаровна вращалась в новую жизнь с доверием и энтузиазмом. Став активной комсомолкой, она ездила по деревням, организовывала курсы ликбеза среди крестьянства и участвовала в выпуске клубных газет. «Буржуазное происхождение» мешало ее поступлению в университет. Но два года поработав на заводе подсобной рабочей, она «*опролетарилась*» и в 1922-м была принята на филологический факультет института народного образования в Харькове, который окончила в 1928 году с дипломом преподавателя русского языка и литературы.

Ее атеизм и культурная ассимиляция были добровольными и полными. Убежденная комсомолка, а потом и коммунистка, она верила в пролетарский интернационализм, считая наци-

⁶ Именно так записано ее отчество в сохранившихся в архиве документах.

⁷ Ряд ее писем хранится в архиве FSO. И Владимов помнил ее рассказы о детстве.

ональную и религиозную принадлежность уходящим пережитком прошлого. Владимов рос с матерью, и важно отметить, что элементы бытовой и религиозной еврейской культуры полностью отсутствовали в его жизни и воспитании, и он долго не осознавал себя евреем. Поэтому события и личные последствия, связанные с атмосферой и преследованиями евреев во время «борьбы с космополитизмом», оказали на его судьбу и образ мыслей особенно сильное и тяжелое влияние.

Родители встретились в институте. Своевольная Мария, к ужасу родных, отказав накануне свадьбы жениху, ушла к Николаю Волосевичу, и в 1929-м они поженились в городке с симпатичным названием Изюм. Через полтора года родился сын Георгий, Жора, как его стали называть в семье. Когда мальчику было восемь месяцев, родители вернулись в Харьков и поселились в старом Павловском районе, по адресу улица Октябрьская, дом 8. Это была окраина города, где к маленьким домикам тесно прилегали сады.

Отец писателя, Николай Степанович Волосевич, наполовину поляк, наполовину белорус (владимовские «четвертинки») родился в Харькове в 1905 году. О его семье крестьян, мелких лавочников и торговцев известно очень немного, в основном из писем Марии Оскаровны 1930–1931-го (FSO). В период ее беременности и первое время после рождения сына они жили с семьей мужа. Несмотря на все ее старания, отношения, особенно с золовкой и свекром, сложились очень неблагополучно, по мнению Марии Оскаровны, из-за общей низкой культуры свойственников и их открытого «черного юдофобства», на которое она очень жаловалась в письмах к подруге. Муж не был близок со своей семьей, и в ее отношения с родными вникать не хотел.

Николай Степанович был личностью яркой, одаренной и с явной авантюристической жилкой. Он увлекался современной литературой, прекрасно владел белорусским, польским и украинским языками и дружил со многими литераторами. Учитель и журналист, он публиковал критические статьи о литературе в харьковских газетах. Рукопись его неоконченного романа пропала во время войны, когда соседи растащили из опустевшей квартиры все, вплоть до бумаги: «...кто на растопку печей, кто на обертку для селедки».

Николай Степанович был непоседой и мечтал о путешествиях. Он категорически отказывался понимать, почему жена не желает оставить крохотного сына на попечение своих или его родственников и разделить с ним радости дальних странствий. Он оказался очень влюбчивым и время от времени отправлялся в путешествия по югу России или Кавказу с очередной подругой, бросая дома жену с маленьким ребенком. Для Марии Оскаровны это было чрезвычайно тяжелое и во многом унижительное время. Родители расстались через полтора года после рождения сына, сохранив «цивилизованные», по выражению Владимова, отношения. Оба души не чаяли в первенце, поэтому мальчик видел отца часто, проводил с ним много времени и «травмы развода не почувствовал».

Зимой 1934-го Мария Оскаровна с сыном переехала ближе к центру, на Журавлевку. Ее родители перебрались в Харьков и поселились неподалеку. Дед, поступив на службу бухгалтером в очередную контору, сделался «настоящим мичуриным». Он выращивал на специально отведенном участке овощные гибриды, и его творчество казалась маленькому Жоре волшебством. Дедушка возил свои плоды на какие-то выставки, о нем писали в газетах, он получал призы, и внук, гордясь им, хвастался детям во дворе: «Мой дедушка – фей! Ему за тыкву медаль дали!» – выведя в четыре года гибрид Золушки с Мичуриным.

По словам Владимова, первым отчетливым детским воспоминанием была обида. В три года он решил забросить на небо, представлявшееся ему твердью, найденный во дворе красивый камушек. Бросив свое сокровище необычайно, как ему казалось, высоко, он несколько секунд пребывал в неопишемом восторге. Результатом был большой синяк на лбу и долгий безутешный рев от боли и от обиды: «Чистая символика, у меня потом всю жизнь так и бывало. Думаешь, добрался до неба, а получаешь по лбу...»

В квартире, где он жил с матерью, постоянно работало радио, и мальчик невольно прислушивался к нему, возясь со своими игрушками. Матери, ухажившей в магазин или по делам, часто приходилось оставлять его в комнате одного. Трехлетним малышом 1 декабря 1934-го Жора услышал по радио новость, значения которой не понял. Но слово «убит» и весь тон сообщения поразили ребенка, и он, как мог, передал содержание матери: так Мария Оскаровна узнала об убийстве в Ленинграде Сергея Мироновича Кирова. Мальчик навсегда запомнил ее реакцию: «...ужаса от происшедшего и, как мне даже тогда почувствовалось, какого-то беспокойства. Я помню, что мне вдруг стало страшно, и я заплакал». Оба, каждый на своем уровне, интуитивно уловили смысл происшедшего, о чем впоследствии писал К. Симонов⁸: «...трудно представить себе, какой страшной силы и неожиданности ударом было убийство Кирова. Во всей атмосфере жизни что-то рухнуло, сломалось, произошло что-то зловещее»⁹.

Частые игры в одиночестве способствовали рано развившемуся интересу к чтению, которое стало любимым занятием мальчика с пяти лет. Доступные детские книжки были быстро проглочены, после чего Жора стащил с материнской полки роман Николая Островского «Как закалялась сталь». Попытки Марии Оскаровны отвлечь сына от преждевременного чтения успехом не увенчались. Книга была преодолена, а мнение пятилетнего критика высказано матери решительно и категорично: «*Интересно про войну. А там про любовь всякую, нежности – очень скучно. И даже непонятно, зачем он это написал, только испортил...*» Возможно, это раннее чтение пробудило его прошедший сквозь всю жизнь интерес к военной истории.

В 1934 году Мария Оскаровна получила место преподавателя русского языка и литературы в Харьковском кавалерийском пограничном училище имени Дзержинского, принадлежавшем ведомству НКВД¹⁰. Весной 1935 года мать с сыном поселились в комнатке при училище. Перед войной Марии Оскаровне было присвоено звание капитана. В училище, кроме кавалерийского, были танковое и авиационное отделения. Тренировочные полеты проводились на самолетах У-2, называемых непочтительно «кукурузниками» и «Русь-фанерой». Жора мечтал о профессии летчика, но в ожидании лучших времен записался в кружок юных собаководов, где дети под руководством специалиста воспитывали щенков для пограничников. После этого щенков забирали в особые школы, где из них делали настоящих сторожевых зверей. Опыт этих занятий очень пригодился Владимову при написании «Верного Руслана».

Официальный развод родителей был оформлен в 1940-м, и Николай Степанович женился вторично. Его жена Белла Зиновьевна Идлин (родные и друзья называли ее Беллюся или Люся) приняла пасынка ласково, и мальчик часто и с удовольствием бывал в новой семье отца. 14 апреля 1940-го родилась его единокровная сестренка Елена, Алена, как ее сразу стали называть в семье, и Владимову запомнилось одно из последних застолий – в феврале 1941 года праздновались его десятилетие и десять месяцев со дня рождения девочки: «*Отец был счастлив, много смеялся, трепал меня по голове и говорил, что, как только я подрасту, мы поедем путешествовать по Кавказу. Я сразу стал мечтать, как мы с ним вдвоем отправимся в дорогу*».

Отец и сын не представляли себе в тот радостный праздничный вечер, как скоро им предстоят дороги в разные концы земли: Николаю Степановичу в набитом людьми товарном вагоне к гибели в чужой враждебной стране, его сыну – в далекий азиатский край в поезде, переполненном бегущими от войны.

⁸ Симонов Константин (Кирилл) Михайлович (1915–1979) – писатель, сценарист, журналист; главный редактор «Нового мира» в 1946–1950-м и 1954–1958 годах.

⁹ Симонов К. Глазами человека моего поколения // Истории тяжелая вода. М.: Вагриус, 2005. С. 307.

¹⁰ По документам ее служба началась в январе 1935 года, но, вероятно, это связано с проверками и бюрократическими проволочками при оформлении на работу. Фактически она преподавала в училище с сентября 1934-го.

Глава вторая

Война

Утром 22 июня 1941 года Жора Волосевич с матерью направлялись в нелюбимый пионерский лагерь, находившийся в селе Ракитное на реке Мжа. В то лето, к большому удовольствию мальчика, отправка в лагерь затянулась из-за плохой погоды. Но с 18 июня начались теплые дни, и в воскресенье мать с сыном сели в переполненный пригородный поезд. В 12:15 по громкоговорителю в вагоне выступил нарком иностранных дел СССР В.М. Молотов, объявивший о нападении Германии на Советский Союз. Какой-то мужчина громко сказал непонятную для ребенка фразу: *«Вот тебе и “муссируют”... Вечно врут!»* – и зло выругался. На него сердито шикнула жена, и все сразу заговорили вполголоса. Позднее Владимов осознал, что это была ссылка на заявление ТАСС: «Еще до приезда английского посла в СССР г-на Криппса¹¹ в Лондон, особенно же после его приезда, в английской и вообще в иностранной печати стали муссироваться слухи о “близости войны между СССР и Германией”...

Несмотря на очевидную бессмысленность этих слухов, ответственные круги в Москве все же сочли необходимым, ввиду упорного муссирования этих слухов, уполномочить ТАСС заявить, что эти слухи являются неуклюже состряпанной пропагандой враждебных СССР и Германии сил, заинтересованных в дальнейшем аспирении и развязывании войны (из заявления ТАСС // Известия. 1941. 14 июня)».

После правительственных заверений известие о нападении было огромным шоком.

Услышав о начале войны, Жора возбужденно объявил на весь вагон: *«Вот сейчас мы немцам набьем морду!»* Мать, прижав мальчика к себе, сказала ему на ухо: *«Тихо, сыночек, тихо, война!»*

Через три дня Мария Оскаровна забрала сына из лагеря домой. Бомбежки Харькова начались почти сразу, даже дети дежурили на крышах, сбрасывая зажигалки клещами. На площади Дзержинского лежал сбитый немецкий самолет. Все тащили детали, и Жора, отправившись на него посмотреть, тоже вынес колесико *«из какого-то необыкновенного металла»*, поразившее его легкостью. На улице возле домов копали рвы, накрывавшиеся бревнами, поверх которых насыпали землю, чтобы прятаться во время бомбежек. Окна заклеивали газетой крест-накрест от взрывных волн. В бомбоубежище спускались в противогазах, матери удалось достать для сына детский. *«Первые дни война казалась мне интересной, взбудоражила всех, изменила всю жизнь. Но начались бомбежки, и лежали в крови убитые люди на улицах, скорая увозила раненых, появились беженцы, и сделалось страшно».*

3 июля 1941 года, стоя с матерью среди курсантов и офицеров училища, мальчик услышал из громкоговорителя запоздавшие слова Сталина: «Братья и сестры!» Тогда они показались ему *«пронзительными»*, вероятно, потому, что он проникся настроением толпы, внимавшей каждому слову вождя. Но много лет спустя он писал А.И. Солженицыну:

Речь Сталина 3-го июля я слушал 10-летним в Харькове, в толпе молодых командиров, вчерашних курсантов училища... завтрашних мертвецов либо пленных (ни одного я всю остальную жизнь не встретил); тут, разумеется, никто репродуктору не грозил, слушали угрюмо – и, как мне теперь кажется, улавливали некое обещание: вот, мол, отобьемся, победим, и все пойдет по-другому... Не так давно «Свобода» ту речь воспроизвела – Боже, ничего этого

¹¹ Криппс Ричард Стаффорд (1889–1952) – посол Великобритании в СССР с мая 1940 года по январь 1942-го. От имени Великобритании подписал в июле 1941 года советско-британское соглашение о совместных действиях в войне против Германии.

не было, никаких обещаний, ни удержанных слез, ни сдавленного дыхания, одно сухое бубненье с акцентом... Вот что с нашим восприятием делает время! (07.05.1993, FSO. АП¹²)

Хотя офицеров не отпускали, мать получила разрешение отвезти сына в эвакуацию. С ними в поезде для семей военных ехали бабушка Доня и младшая сестра матери Ида с маленькой дочкой Ниночкой. Дед умер незадолго до начала войны. 16 сентября Жора навсегда простился с отцом, в последний раз крепко прижавшим его к себе на перроне вокзала, и за месяц до оккупации Харькова выехал в Киргизию.

Поезд медленно двигался через Украину, Россию и Среднюю Азию, простаивая часами, чтобы пропустить военные эшелоны и товарные составы. Железную дорогу бомбили, трудно было доставать еду и воду, но с избытком хватало впечатлений.

Глядя из окна, мальчик увидел на одной из станций очень молодую черноволосую женщину с ярко-голубыми глазами, почти без вещей, с грудным ребенком на руках. Рядом стояли растерянные родители и старшая сестра, тоже с младенцем. Голубоглазая женщина вынула из полотенца и дала добродушному проводнику-татарину плату за проезд – набор серебряных ножей, вилок и ложек. Он покивал, взял столовое серебро и посадил всех в вагон. Еврейская семья бежала от немцев. Молодая женщина была в прострации и приходила в себя, только когда начинал плакать ребенок. Чудом попав в один из последних уходящих к центру страны поездов, она потеряла все, кроме паспорта и серебра, свадебного приданого, которым расплатилась с проводником. Муж был в армии, и она не знала, жив ли он и где находится. Каждый раз, когда она хотела говорить, из нее вырывались рыдания, которые она с трудом подавляла. Крошечная, почти не плакавшая девочка ее старшей сестры умерла через несколько дней. Проводник-татарин принес наволочку, в которую, как в саван, завернул мертвого ребенка. И приняв от него в руки маленький белый сверток, мать девочки вдруг *«страшно, по-звериному завывла. И как ток горя пронесся по вагону от ее воя»*. Заголосили женщины, прижимавшие к себе громко плачущих детей, плакали, не прячась, старые мужчины, плакал проводник-татарин, гладивший безутешную мать по плечу и бессмысленно повторявший: *«Нитцево, нитцево, ты эта... эта...»* Это бормотание и общий плач впервые пронзили мальчика острым чувством происходящей катастрофы и чужого страдания: *«Я вдруг почувствовал соленый вкус на губах и понял, что тоже плачу. И что-то сдвинулось во мне, как будто заработала турбина¹³. С этого воя проснулось мое писательское сознание. Я стал подсознательно все запоминать и все детали откладывать в памяти»*.

Отец семьи на следующий день тяжело заболел. Его жена с ним и старшей дочерью с мертвым ребенком на руках сошли на ближайшей большой остановке. Голубоглазая женщина осталась одна. Проводник-татарин отечески опекал ее, приносил сладкий чай, воду на остановках, сам готовил ей еду и отводил в свое купе, чтобы она могла покормить ребенка. Простирнув пеленки из разрезанной им простыни, она отжимала их, просила Марию Оскаровну поддержать мальчика и выходила. Она сушила пеленки теплом своего тела, разложив их на животе. Когда она возвращалась, на ее платье было мокрое пятно: *«Так и осталась в моей памяти. Мадонна войны – заплаканное юное лицо и мокрое пятно на животе»*.

Это путешествие оставило огромный след в мироощущении мальчика, часами смотревшего в окно с верхней полки плацкартного вагона. Впервые к десятилетнему Жоре Волосевичу пришло осознание огромных пространств, многоликой красоты природы и драматичности человеческих судеб: *«Это было настоящее познание страны и жизни»*.

¹² См. Архивное приложение к главе 21.

¹³ Я спросила Владимова, связана ли «турбина» со строчками Бориса Пастернака из стихотворения «Так начинают. Года в два...» о пробуждении детского сознания: «Так начинают понимать. / И в шуме пущенной турбины / Мерещится, что мать – не мать, / Что ты – не ты, что дом – чужбина...» Он ответил: «Да, возможно... Я, когда сказал, не думал, но, скорее всего, – оттуда».

Поезд довез семью до Джамбула, откуда на стареньком автобусе они добрались до Фрунзе, а потом на попутных машинах и лошадях к конечному пункту долгого пути – киргизскому селу Чалдовар. В нем жило много лишенных имущества и высланных украинских кулаков. Вырванные из родных мест, вышвырнутые посреди киргизской степи, они были брошены умирать или выживать в чужом азиатском краю.

И стояли пришельцы,
Барахлишко сгрузив,
Кулаки да лишенцы —
Самый первый призыв!

Александр Галич. «Фантазия на русские темы»

Некоторые во время коллективизации сами бежали из родных мест в Среднюю Азию в надежде уцелеть и сохранить хоть какое-то имущество.

На новом месте умелые и трудолюбивые мужики обжились и со временем построили белянькие украинские хатки. Молодые мужчины ушли на фронт, но ловкие украинские дивчины прекрасно справлялись с полевыми работами. В семьях не стихал конфликт поколений. «Старики неисправимы!» – с отчаянием говорили девушки-комсомолки об упорстве старшего поколения, не желавшего понимать преимущества коллективизации и советской власти. Матери глубоко вздыхали, отцы угрюмо усмехались молодому энтузиазму неразумного потомства.

Жоре и его семье, бабушке Доне, тете Иде и Ниночке, была выделена комнатка в одной из украинских хаток. На единственной постели спали бабушка с девочкой. Мальчик и тетя Ида устраивались на ночь на узлах. Стола в комнате не было, ели на чемодане. Хозяева жалели детей, делясь иногда густым борщом, вяленым мясом и варениками.

Кроме киргизов и украинцев, в селе жили высланные чеченцы, державшиеся особняком. В письме дочери Марине Владимов вспоминал, как в 1941-м, вскоре после приезда, десятилетним мальчишкой «сверзился в арык и готов был предстать пред Божьим престолом – будучи омытым, но не причастившимся, – и мальчик-чеченец из ссыльных, старше меня года на два, кинулся в поток и вытащил» (04.10.1995, FSO).

Рабочих в колхозе не хватало, и школьники помогали после занятий. Рослый и сильный Жора, научившись управлять волами, стал возчиком, небожно нахлестывал волов вожжами и громко, с удовольствием цокал и покрикивал. Совхоз выращивал сахарную свеклу и поставлял ее в районный центр на сахарный завод. Обрато из города везли свекольный жом на корм скоту. Мальчику платили копейки за набегавшие трудодни и иногда давали продукты: «*Я гордился и чувствовал себя кормильцем, хотя жили мы голодно*».

Впечатления жизни и работы в колхозе навсегда остались в памяти, уже в детстве зародив в нем сомнения в эффективности колхозной системы, что в будущем было замечено органами госбезопасности.

Оставив сына с родными в Чалдоваре, Мария Оскаровна уехала к новому местонахождению училища в Саратов. Во время войны преподавание русского языка и литературы в военных училищах было отменено, поэтому на новом месте мать работала заведующей библиотекой. В 1942 году, получив ведомственную комнатку, Мария Оскаровна выхлопотала разрешение съездить за сыном и привезти его из Киргизии. Он был счастлив возвращению к жизни с ней в военном городке.

Неподалеку от училища была городская тюрьма, а через дорогу – кладбище, где хоронили узников. Никто не сомневался в том, что они были уголовниками. Наклонив кузовок набок, солдаты сваливали голые мертвые тела в неглубокую яму, забрасывая сверху комьями земли. Истощенность трупов поражала даже в голодное военное время. Мать, не выдержав, подошла

однажды к солдатам, почтительно откозырявшим при виде ее капитанских погон. *«Как же вы их швыряете... даже могилу не выкапываете?»* – с упреком сказала она. *«Так ведь нам лишь бы землей присыпать, товарищ капитан. Начальство не заругает, а мертвые не придерутся, им-то что...»* – лениво ответил один из конвойных¹⁴. Позднее Владимов узнал, что зимой 1943 года в той саратовской тюрьме умер от голода основоположник советской генетики академик Николай Иванович Вавилов¹⁵. Уже взрослым Владимов не раз думал о том, что они с матерью, возможно, были единственными свидетелями страшных похорон великого ученого.

Во время летних лагерей весь состав училища жил в палатках вблизи аэродрома, откуда взлетали бомбардировщики, направлявшиеся к Сталинграду. Немецкая авиация регулярно бомбила аэродром. Осколки сыпались на лагерь, пробивая брезент палаток. Когда начиналась атака, сын с матерью, взявшись за руки, ложились на пол под кровать, и мать старалась прикрыть его своим телом. Уже взрослым Владимов рассказал Марии Оскаровне, что он молился, чтобы его убило, если она погибнет. Мать вдруг заплакала. Коммунистка и убежденная атеистка, она тоже молилась памятными с детства словами еврейской молитвы – чтобы выжил сын¹⁶. *«Очень страшно было... Но Бог спас».*

В январе 1943 года Жора Волосевич решил, что *«...пришла пора защищать Отечество – во мне проснулся Петя Ростов»*. Сговорились с другом вместе убежать на фронт. Тайно сушили хлеб и копили сахар, возбужденно обсуждая маршрут. Благоразумный друг в последний момент испугался. Но Жора не отступил и, прихватив мешочек с сухарями и несколькими вареными картофелинами, направился *«прямо к Сталинграду»*. *«Компаса у меня не было, но к Сталинграду летели тяжело нагруженные бомбардировщики, а при полете назад звук был другой – они летели пустыми»*. С наступлением темноты полеты прекратились, замела поземка, и мальчик заблудился. Замерзнув и устав от колючего ветра и долгого пути, он собирался забраться в снег, что окончилось бы трагически. Но тут раздался шум шедшей мимо поля танковой колонны. Вылетев на дорогу, продрогший беглец попросился в танк. Танкисты, понимая, что ребенок погибнет, взяли его внутрь, по радиации сообщив о происшествии командиру. Пока, воображая себя *«сыном полка»*, отогревшейся вояка перекусывал и пел экипажу военные песни, подкатил на «виллисе» командир. Забрав смельчака, он повез его назад в Саратов. *«Мать вся дрожала, переволновалась»*, – вспоминал Владимов. *«Вы воспитали героя, но воевать он пока еще маленький»*, – в утешение сказал командир Марии Оскаровне и уехал, почтительно откозыряв. И Жора опять начал ходить в школу, где учителя, посматривавшие на него с любопытством, уделяли ему больше внимания. Мать старалась проводить с ним побольше времени, они читали вместе и разговаривали о литературе: *«Я эти часы с ней очень любил. Она и сама писала стихи и остро чувствовала каждое слово. Стихи Пушкина были частью ее речи, и это я перенял»*.

* * *

Самой тяжелой военной потерей была для Владимирова гибель отца. Николай Степанович Волосевич с семьей не успел эвакуироваться, так как был сразу мобилизован на строительство оборонительных сооружений под Харьковом. Но немецкие войска наступали с такой быстротой, что оставленные в городе люди построить толком ничего не успели и уехать им не удалось.

¹⁴ Такая «не могила, а неглубокая ямка» появилась позднее в сцене казни заключенного в «Верном Руслане» (Владимов Г. Собр. соч. Т. 1. С. 300).

¹⁵ По официальным данным, Н.И. Вавилов умер 26 января 1943 года в Саратовской тюрьме № 1.

¹⁶ В интервью, записанном мной, а также в рассказах дочери и некоторым знакомым Владимов излагал немного другую версию: они оба молились, чтобы если погибнуть, то вместе. Но однажды мы заговорили о том, что в кризисных ситуациях неожиданно проявляется заложенное с детства, и тогда он вдруг сказал мне, что мать во время бомбежек быстро-быстро бормотала на незнакомом языке – молилась *«по-еврейски»*.

Белла Зиновьевна, кроме того, очень боялась, что в переполненных поездах ребенок может заболеть. Волосевичи решили, что, беспартийные школьные учителя, они не будут представлять для немцев особого интереса и дождутся скорого освобождения Харькова советскими войсками. Одним из последствий пакта Молотова – Риббентропа было отсутствие у населения информации о действиях и идеологии фашистов, в частности о расовом вопросе, что привело к гибели многих людей.

«Если бы в советских газетах говорилось, что, когда гитлеровские войска занимают города, они истребляют евреев, то, вероятно, это бы подвигло большинство евреев на эвакуацию. Но в советских газетах сообщалось, что вот в Минске расстреляно 12 тысяч мирных советских граждан, но ни слова, что они евреи. Конечно, в написанное никто не верил: ну почему немцы должны расстрелять 12 тысяч мирных советских граждан? Так что часть вины за гибель евреев на оккупированных территориях лежит и на советском правительстве, оно могло воспользоваться если не прессой, то другими какими-то способами, чтобы информировать еврейское население о том, что его ожидает в случае прихода немцев. Этого не было сделано»¹⁷.

Оккупировав Харьков 24 октября 1941-го, немецкие власти провели перепись населения, заноса евреев в особые списки. В декабре все евреи города были «приглашены» явиться на Харьковский тракторный завод: «Для защиты от украинского населения», – как гласил указ. Часть населения в самом деле проявляла такой антисемитский пыл, что приглашение даже не казалось особенно подозрительным. Белла Идлин пошла, оставив маленькую дочь на попечение мужа.

На территории завода скопилось около 30 тысяч человек. Отец ходил навещать жену каждый день. Вход на территорию завода был закрыт, так что видеть родных можно было только издалека. Часовые позволяли перебрасывать через забор еду и одежду. Подойдя однажды к заводу, отец увидел толпу растерянных людей. Территория была пустой. Как выяснилось позднее, все находившиеся во власти оккупантов люди, в большинстве евреи, были ночью вывезены и расстреляны в большом овраге за городом. Тела были свалены в большую яму и засыпаны землей (ГВ).

Я воспроизвожу дословный рассказ Георгия Николаевича, услышанный им от бабушки, матери Николая Степановича, и сестры отца Веры. По сохранившимся документам известно, что расстрелы проводились ежедневно партиями по несколько сот человек. К концу февраля все обитатели харьковского гетто были уничтожены. Вместе с евреями были расстреляны пленные красноармейцы и пациенты из домов скорби. Точное число убитых неизвестно, по официальным данным, 16–20 тысяч человек. Дробицкий Яр был одним из самых массовых мест Холокоста в Украине.

Вскоре после этой трагедии, зимой 1942 года, Николая Степановича угнали на принудительные работы в Германию. Его письма оттуда родителям аккуратно доставлялись¹⁸. Николай Степанович работал токарем на военном заводе по четырнадцать часов в день. Режим был строгим, кормили плохо, везде водили под охраной солдат и собак: «Собаки всегда играли большую роль в моей жизни». Последнее письмо от отца, датированное 1943 годом, пришло из концлагеря, находившегося поблизости польского города Пила (Piła), называвшегося тогда по-немецки Шнайдемюль (Schneidemühl). Георгий Николаевич думал, что Николай Степанович погиб при авиационном налете в июле 1943 года. Лагерь был полностью разбомблен в 1944-м, так что никакой документации не осталось. По предположениям Владимирова, бомбила совет-

¹⁷ Романов Е. В борьбе за Россию. Воспоминания. М.: Голос, 1999. С. 53–54.

¹⁸ По словам Леонида Дмитриевича Стонова, когда его двоюродную сестренку Алену Волосевич в 1944 году привезли к ним из Украины, где она жила со стариками Волосевичами, она сказала: «Мы ждем писем от папы Коли».

ская авиация: «Англичане и американцы такие лагеря не бомбили, опасаясь, что там содержатся их пленные летчики». Владимов с помощью Константина Симонова пытался узнать о судьбе отца несколько раз, но поиски были безрезультатны. Позднее от имени матери был послан еще один запрос, и сохранился полученный Марией Оскаровной ответ Международного союза обществ Красного Креста и Красного Полумесяца: «Нами был произведен розыск Вашего мужа Волосевича Николая Степановича за пределами Советского Союза, но установить его местонахождение или судьбу, к сожалению, не удалось» (29.11.1962, FSO).

После гибели матери и депортации отца маленькая Алена оказалась у родителей Николая Степановича. Но ее дедушка боялся, что в доме жила внучка полуеврейка, и настоял, чтобы ребенка отдали в немецкий детский дом. Волосевичи сказали немецким властям, что у черноволосой Алены грузинские корни. Алена там очень болела, перестала есть и разговаривать. Мать Николая Степановича, несмотря на скандалы и сопротивление мужа, после нескольких месяцев забрала больную, совершенно травмированную девочку из детдома.

В 1944 году в освобожденный Харьков приехала артистическая бригада, в состав которой входила пианистка Елизавета Эммануиловна Лойтер, подруга Анны Зиновьевны Идлин, старшей сестры Беллы. По просьбе Анны Зиновьевны она с большим трудом отыскала Алену у стариков Волосевичей. Елизавету Эммануиловну поразила нищета дома. На полу в разорванной рубашечке сидела прозрачно-худенькая девочка с огромными темными глазами. Дома вначале была только бабушка, сразу согласившаяся отдать ребенка родственникам в Москву, чтобы спасти от голода. Физически истощенная, с полной вшей головкой, Алена была в очень плохом состоянии. Е.Э. Лойтер привезла ее в Москву в своей пижаме, осторожно давая в дороге по ложке меда в день¹⁹. Анна Зиновьевна Идлин и ее муж, друг Николая Степановича писатель Дмитрий Миронович Стонов, у которых был сын Леонид, официально удочерили Алену после войны, и она стала Еленой Дмитриевной Стоновой. В семье Стоновых ее очень любили, она обожала родителей и была очень близка с Леонидом.

Во время своей работы в «Новом мире» Владимов встречал Д.М. Стонова и относился к нему с огромной теплотой и симпатией. Но об Алене они никогда не заговаривали. Владимов был уверен, что Елена Дмитриевна ничего не знала об их родстве и считала Стоновых своими настоящими родителями:

У нее был дом, отец, мать и брат Леня, дружная, теплая, любящая семья. Что я, тогда бездомный и нищий мог предложить взамен? Нашего отца, с оккупированной территории угнанного в Германию и пропавшего без вести? Мую мать, только что вышедшую из Гулага? И я решил оставить как есть, не травмировать ее. Потерял на войне обоих, отца и сестру (ГВ).

По свидетельству Леонида Дмитриевича Стонова, когда Владимов стал широко известен, Елене Дмитриевне рассказали, что писатель и диссидент – ее единокровный брат. Однако она решила, что «знаменитый и богатый», как ей казалось, Владимов может не поверить, что раньше она была в полном неведении о своем происхождении, и неверно истолковать ее попытку установить поздний родственный контакт с известным писателем. И категорически отказалась от знакомства²⁰. В 1988 году Елена Дмитриевна, химик по профессии, с семьей эмигрировала в Израиль, где умерла от лейкемии в 1995-м.

¹⁹ Ковальская (Френкель) М. Вспоминая прошлое. Алена. Посвящается памяти моей любимой мамы Елизаветы Эммануиловны Лойтер. https://www.tau.ac.il/~levant/kovalskie/Vspominaya_proshloe.pdf.

²⁰ Трудно точно сказать, когда Елена Дмитриевна Стонова узнала свою историю. После войны Стоновых посетила Ирина Волосевич, двоюродная сестра Владимирова, которая приехала из Харькова и хотела знать, как живет девочка. Она попросила разрешения взять Алену на прогулку, и Стоновы, хотя и очень беспокоились, чувствовали себя не вправе ей отказать. Известно, что именно она рассказывала Алене. М.И. Ковальская также пишет, что соседи во дворе «просветили» Алену, когда она окончила школу. Но она очень любила Стоновых, и информация соседей никак не повлияла на отношения в семье.

Среди архивных фотографий Владимова есть снимок Елены Стоновой-Кричевской с Леонидом, Наталией и Александром Стоновыми, сделанный в США. В 1996 году в Бостоне Александр Стонов передал Георгию Николаевичу эту фотографию. На вопрос, знает ли Владимов, кто женщина на фотографии, Владимов ответил: «Это моя сестра Лена». Тогда же он узнал от Александра о ее смерти. Эта фотография хранится в архиве среди его бумаг. На обороте написано владимовской рукой: «*Елена Стонова-Кричевская. Моя единокровная сестра*» (FSO). Лев Наумович Кричевский рассказал мне, что после смерти Елены Дмитриевны среди ее бумаг обнаружилась папка с надписью «Владимов», в которой она хранила публикации и статьи о своем знаменитом, но незнакомом брате.

Такова бесконечно печальная история не-встречи двух родных людей, чьи судьбы были навсегда разорваны трагедией войны.

Глава третья

Волчонок Берии

Побег своевольного сына в Сталинград на фронт смертельно испугал Марию Оскаровну: *«Она, наверное, тогда поняла, как трудно воспитывать растущего мальчишку одной, без отца»*. Весной 1943-го в газетах появилось сообщение, что по стране открывается одиннадцать суворовских училищ по типу старых кадетских корпусов. Девять из них были армейскими и туда набирались сыновья погибших офицеров. В двух других, принадлежавших ведомству НКВД, готовились младшие офицеры пограничных войск, и места в них предназначались для детей сотрудников органов госбезопасности. Выпускники направлялись на работу начальниками погранзаставы или командирами пограничных катеров, но наиболее способные могли рассчитывать на службу в контрразведке, военную или дипломатическую работу. Мария Оскаровна предложила сыну поступить в одно из них, надеясь, что это успокоит его военные порывы. Жора согласился с восторгом: *«Я сразу возмечтал, как стану разведчиком, генералом и кавалером всех орденов»*. Документы были посланы в Суворовское училище пограничных войск в Кутаиси, где «поздней осенью 1943 года 12-летний мальчик надел черную униформу с голубыми погонами»²¹.

Жора Волосевич, попав в 6-й класс первого набора, проучился в училище пять лет. Мать вначале очень тосковала без него и писала нежнейшие стихи, которые он хранил всю жизнь:

Улетел мой скворушка,
Опустел мой сад.
Скворушка-Егорушка,
Воротись назад...

1943, Саратов (FSO)

В 1944 году Марии Оскаровне удалось перевестись на работу в училище в Кутаиси: курсантам преподавались русский язык и литература, и она мотивировала желание перевода возможностью работать по специальности. С ее приездом литературная жизнь в училище ожилилась. Она сразу устроила для курсантов лекцию «Пушкин на Кавказе» и стала выпускать газету «Суворовец». Владимов вспоминал, что вместе с матерью написал стихотворение для 1-го номера этой газеты. Мария Оскаровна сохранила первый литературный опыт тринадцатилетнего сына. Я приведу его начало:

Суворовец, стой! Разве ты не слыхал?
В училище нашем выходит журнал.
Об этом немедленно должен ты знать,
Чтоб сразу активным участником стать.

Как в зеркале чудном журнал отразит
Всю жизнь нашу: отдых, учебу и быт.
Ты, верно, мечтаешь о нем уж давно...
«Суворовец» – славное имя его...

Май 1944, Кутаиси (FSO)

²¹ Владимов Г. Долог путь до Типперэри. М.: Вагриус, 2005. С. 23.

Исходящий от матери литературный импульс был очень важен для подраставшего сына, который благодаря ей *«почувствовал вкус сочинительства»*. Увидев в стенной газете свои неумелые строчки и стайку восхищенных курсантов, читающих их вслух, Жора Волосевич решил свою судьбу – он будет не только полководцем, но и поэтом. И на следующий день сообщил матери свой литературный псевдоним. В честь Маяковского он будет подписывать свои стихи – Владимов²². Его детская мечта осуществилась лишь отчасти: он не стал ни полководцем, ни поэтом, но стал Владимовым.

О жизни в кутаисском училище подробно рассказано в последней неоконченной повести Владимова «Долг путь до Типперэри». Опыт пребывания в закрытом коллективе училища, находившегося в стране другой культуры и языка, кажется странным ретроспективно-зеркальным отражением будущей жизни и опыта писателя в эмиграции. Сходная отвлеченность от окружающей культуры, жизнь в замкнутом пространстве и неприятие, отсутствие живого интереса к местным традициям и жителям. Для него Грузия была «чужая страна»: «Я не предвидел, что мне придется жить в чужой стране, посреди чужого языка, чужих обычаев и поведен, и это будет мучительнее тюрьмы или лагеря...»²³ Обитатели древнего кавказского города вызывали у курсантов *«брезгливость»* и неуважение. Грузины, грузинские евреи и даже их дети были *«чужими»*, и на них смотрели свысока. Лихостью считались воровство в их садах, насмешки над их дочерьми, а в случае столкновений никто не пытался найти правых и виноватых: *«чужих»* полагалось бить, от них следовало защищать *«своих»*.

Курсант Жора Волосевич учился с удовольствием. Условия жизни в Суворовском были, по меркам голодного и нищего военного времени, очень хорошими. Позднее Владимов осознал, что в армейских училищах *«и кормили похуже, и сукно было потоньше»*. Официальный патрон пограничных суворовских училищ Лаврентий Павлович Берия заботился о своих *«волчатах»*, как он любовно называл курсантов, ожидая из их рядов достойного пополнения своих кадров. *«Я не знаю, откуда, из каких питомников ТУДА набирают людей, но из наших ребят в органы ни один не попал»*, – комментировал Владимов.

Уровень преподавания был высоким. Учителя шли на работу в Суворовское охотно: платили за звание, полагался приличный паек, зарплата была выше обычной преподавательской. В училище царил культ Суворова, и военная история, очень интересовавшая Жору, изучалась серьезно и детально. Особой идеологической муштры не было, *«всё в обычных дозах»*. Среди ребят даже *«царила легкая фронда»*. Офицеры, воспитатели и преподаватели вполне откровенно делились с курсантами своими воспоминаниями о войне. Бывшие боевые офицеры, они почти все имели серьезные ранения, последствием которых был частичный паралич, слепота или тяжелая психическая травма. Их повествования не были *«идеологически выдержаны»*, и юным слушателям становилась ясна разница между официальной пропагандой и беспощадной военной действительностью.

Спорт был важной частью образования курсантов, на него отводилось по несколько часов в день. Занимались строевой подготовкой, штыковым боем, выезжали на стрельбища. В старших классах была введена конная езда и шашечный бой. На скаку срезали лозу шашками, стреляли из пистолета и винтовок, учились обращаться с пулеметом. В Кутаиси они много занимались на снарядах в гимнастическом зале, что Жора не особенно любил. Но позднее начались лыжные переходы, бег, велосипед, и он расцвел, получив даже грамоту «За образцовое преодоление трудностей лыжного перехода» (FSO). Переход был 50 километров, двигались при полном вооружении, с винтовкой и вещмешком.

²² Владимов рассказывал дочери Марине и Льву Аннинскому другую версию этого псевдонима. По его словам, он посылал свои ранние статьи под разными именами во многие издания, но журнал «Театр» впервые принял к публикации статью о пьесах А. Софронова, подписанную «Владимов». Нужно сказать, что это версия никак не противоречит рассказанной мне.

²³ Владимов Г. Долг путь до Типперэри. С. 34.

В 1946 году, переехав в Петродворец, училище стало называться Ленинградским суворовским пограничным военным училищем МВД²⁴. Курсанты строем прошли через разрушенный город. Первое, что они увидели на территории училища, – трофей войны, огромный подбитый немецкий танк. Владимов сохранил стихотворение матери о ее первом впечатлении, строфу которого я приведу:

Снаряды, и щебень, и камни,
Как боль незакрывшихся ран...
И призрак сражений недавних —
Фашистский изломанный танк...

М.О. Зейфман. «Воспоминание». 1952. (FSO)

Этот «фашистский изломанный танк» сыграл впоследствии большую роль в судьбе Жоры Волосевича и его матери.

В Петродворце курсанты увидели пленных немцев, работавших на строительстве. В бытность генерал-лейтенантом на русской службе Карл Густав Маннергейм²⁵ построил военный городок с коттеджами и казармами, разбомбленный во время войны. Пленных пригнали для его восстановления. Они не проявляли большого рвения, работали «вполруки», и строительство продвигалось медленно: «Я тогда понял: раб не работник. И ведь, подумайте, сколько работающих Иванов Денисовичей бессмысленно угробила эта система. Какую страну они могли бы построить!» В военном лагере городка, где находилось училище, был отведен специальный угол, огороженный двойной колючей проволокой, в котором жили пленные немцы. Общение с ними курсантам было строжайше запрещено.

У Владимира на всю жизнь остались очень теплые воспоминания об училищном братстве мальчиков: жизнь в ограниченном пространстве, общие интересы, впечатления и учеба сближали их. По окончании Суворовского в течение двадцати лет те, кто мог прийти, «гудели» в ресторане «Прага» в Москве каждое 20 сентября, в день открытия училища. Среди них не было Геннадия Панарина, лучшего друга Владимира. Он погиб в 1952 году на погранзаставе. Старший лейтенант Панарин вез солдат в кузове грузовика и – согласно инструкции – сидел около кабины спиной к движению. Они проезжали через старый ручной шлагбаум, и пьяный управляющий солдат выпустил его из рук. Шлагбаум разможил Геннадию затылок и два позвонка. Ему было двадцать три года. Геннадий умер, не приходя в сознание, через четырнадцать часов. Мария Оскаровна целую неделю не говорила об этом сыну, зная, как трудно ему будет пережить гибель первого и очень любимого друга. Незадолго до этой трагедии Геннадий женился на девочке, с которой познакомился на одном из балов в Суворовском, куда приглашались женские школы. Владимов много лет вплоть до эмиграции поддерживал связь с вдовой своего погибшего друга.

С Геннадием Панариным его связывала не просто первая детская дружба и творческий опыт, но и первый конфликт с безжалостной машиной сталинского режима, имевший огромные последствия для судьбы, мировоззрения и мироощущения будущего писателя.

²⁴ Постановление Совета министров СССР о переименовании училища было принято 4 мая 1946 года.

²⁵ Маннергейм Карл Густав (1867–1951) – генерал-лейтенант русской армии до апреля 1917 года, с декабря 1917-го вернулся в Финляндию, был верховным главнокомандующим финской армии во время советско-финской и Второй мировой войны, президент Финляндии (1944–1946).

Глава четвертая Поход к Зощенко

*Ах, какая странная эпоха,
Не горим в огне, а тонем в луже.
Обезьянке было очень плохо,
Человеку было много хуже.*

Александр Галич. На сопках Маньчжурии (Памяти М.М. Зощенко)

Жизнь в Суворовском училище была наполнена не только тренировками и учением. Здесь Владимов встретил свою первую любовь, прехорошенькую польскую девочку Веронику Масевич, «*дочку англичанки*», как называли ее поголовно влюбленные в нее курсанты. Ее мать Зинаида Эдмундовна преподавала английский язык, и разыгравшееся романтическое воображение суворовцев возвело ее в ранг «*бывшей шпионки*». Отец Вики Александр Масевич работал в органах госбезопасности и, как много позднее узнал Владимов, был расстрелян в 1937-м «*за жестокость*». Вика, как и Жора, росла без отца.

Под влиянием нахлынувшей влюбленности Владимов начал писать стихи: «...*несамостоятельные, под Маяковского*». Они затеяли с Геной Панариным большой утопический роман об идеальной стране Юнгландии со столицей Типперэри, где сбывается все, чего душа пожелает: «*Все то, что не устраивало нас на нашей родине, мы исправляли и вносили в жизнь на родине своей мечты*»²⁶. Название столицы было взято из ирландской песенки «Долог путь до Типперэри», популярной в британской армии во времена Первой мировой войны²⁷. Но творчество друзей вскоре зашло в тупик: в их замечательной стране при полном отсутствии неприятностей «*не происходило решительно ничего интересного*». Утопия им быстро наскучила, и роман был заброшен. Но раз приобщившись к перу, подростки почувствовали себя «*пишущими людьми, братьями по литературе*», и их не совсем обоснованная цеховая гордость привела к неожиданным последствиям.

Геннадий был на два года старше Георгия и следил за событиями, происходившими в стране, осмысливая их и делясь своими соображениями с другом. Местом уединения, где велись душевные разговоры подальше от недремлющего ока взрослых, была прокуренная внутренность подбитого немецкого танка. «Курцы» выдыхали табачный дым в пушку, и выходящий оттуда дымок был едва заметен снаружи. Курение строго преследовалось, могли посадить в карцер или даже подвергнуть страшному наказанию – обрить наголо, что означало: на следующей бал, куда приглашались девочки из соседней школы, придется идти с бритой головой.

Учась в Суворовском, мальчики были очень заинтересованы делом А.А. Власова. Предательство генерала – когда-то героя войны и любимца Сталина – беспокоило и интриговало их. Смертный приговор Власову и его поделщикам, вынесенный закрытым военным судом, был приведен в исполнение 2 августа 1946 года. Георгий и Геннадий не были удовлетворены: «*Власов же не был просто трусом, это он много раз доказал... Боевой генерал и пошел на такое предательство. Ведь было же у него какое-то объяснение. Он должен был его сказать*

²⁶ Владимов Г. Долог путь до Типперэри. С. 68–69.

²⁷ Песня «Долог путь до Типперэри» была хорошо известна в Советском Союзе. Она исполнялась в первом звуковом фильме Якова Протазанова о Гражданской войне «Томми» (1931) и в фильме Семена Тимошенко «Снайпер» (1931). Песня цитируется также в поэме В.В. Маяковского «Хорошо!»: «Как над серыми хатами огненные перья и руки холеные туго у горл. Но... "итс э лонг уэй ту Типперери, итс э лонг уэй ту го!"» (строки 1570–1580).

всему народу. Почему же его не судили открытым судом?» – недоумевали мальчики, до которых донеслось эхо открытых процессов 1930-х годов.

А когда 14 августа 1946 года в «Правде» было опубликовано постановление о журналах «Звезда» и «Ленинград», ребята как-то *«поежились»*, и Гена прокомментировал: *«Какое-то странное сближение...»* В те августовские дни, по словам Владимова, *«это производило впечатление какого-то 25-го кадра в кино, когда вклеивают слово, прочесть его вы не можете, но возникает подсознательное ощущение страха, тревоги»*. 4 сентября 1946 года Анну Ахматову и Михаила Зощенко исключили из Союза советских писателей. Позднее Вениамин Каверин писал: «Так до сих пор и остается загадочным, чем было вызвано постановление ЦК от 14 августа 1946 года “О Журналах “Звезда” и “Ленинград”». О причинах внезапного нападения на Зощенко, Ахматову, “Серапионовых братьев” можно было только догадываться – по меньшей мере о причинах непосредственных, частных. Эти частные причины ничего не значили перед общей и даже всеобщей. Вот ее-то теперь, через тридцать лет, мне кажется, можно назвать. Без полной уверенности, что можно. Эта общая причина заключалась в том, что сразу поле войны, после победы, унесшей миллионы жизней, в обществе наступила пора определенных надежд. Это были надежды на “ослабление”, на заслуженное доверие, на долгожданную человечность, на естественную, после всего пережитого, мягкость. По этим-то надеждам и решено было ударить, а так как в русской литературе во все времена и при любых обстоятельствах выражалась (или хотя бы бледной тенью отражалась) душа народа – в эту душу и были решено вонзить отравленный нож»²⁸.

Удар этого «отравленного ножа» остро почувствовали два подростка. Зощенко мальчики читали и любили. После всей ругани, обрушившейся на него, они еще раз раздобыли книжку его рассказов. Читали вслух, собравшись в комнате Вики, в которую к тому времени Гена тоже влюбился. Рассказы Зощенко казались очень смешными, яркими и талантливыми. Разговаривая друг с другом: «Погода пошлая, безыдейная и аполитичная»²⁹, – мальчики передразнивали текст правительственного постановления: «...Зощенко давно специализировался на писании пустых, бессодержательных и пошлых вещей, на проповеди гнилой безыдейности, пошлости и аполитичности»³⁰. Считая себя *«писателями»*, они были глубоко оскорблены *«за коллегу и офицера»*: «Власти постановили, что Зощенко хулиган, клеветник, подонок, пошляк – с изумлением встречаешь в наши дни эти ругательства в официальном документе...» – писал В. Каверин³¹. По словам Владимова, у ребят было ощущение, *«как будто в нашего друга плюнули, и брызги попали нам в лицо»*. Их чувство чести и достоинства было оскорблено, и мальчики приняли решение, навсегда изменившее их жизнь, – навестить Зощенко, чтобы лично выразить ему свое восхищение: «Чем больше его ругали, втоптывали в грязь, тем больше нам хотелось – пожать ему руку, высказать уважение»³².

Встал вопрос, идти ли к Ахматовой, стихов которой мальчики не читали, и в библиотеке Суворовского училища ее книг не было. Набор выражений «то ли монахиня, то ли блудница», «религиозно-мистическая эротика» и т. п. был очень далек от лексики курсантов. Мальчики хотели *«прояснить, насколько оскорбительными были эти слова для Ахматовой»*. Решили спросить непререкаемого эксперта по женскому вопросу – пятнадцатилетнюю девочку Веро-

²⁸ Каверин В. Эпилог. М.: Аграф, 1997. С. 70–71.

²⁹ Владимов Г. Долог путь до Типперэри. С. 45.

³⁰ Постановление оргбюро ЦК ВКП(б) «О журналах “Звезда” и “Ленинград”» от 14.08.1946 № 274 было опубликовано в газете «Правда» 21.08.1946. <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/USSR/journal.htm>.

³¹ Каверин В. Эпилог. С. 76.

³² Владимов Г. Долог путь до Типперэри. С. 47. История о походе к Зощенко легла в основу первой неоконченной части «Долог путь до Типперэри» из задуманной автобиографической трилогии Владимова. Я приведу рассказ об этой истории таким, как я услышала и записала его со слов Владимова. Почти все подробности совпадают с книжными, но есть и некоторые дополнительные детали.

нику. Вопрос был задан в «косвенной» форме: как бы она, Вика, отнеслась к тому, что о ней бы... Загадочно сощутив глазки, едва ли больше своих обожателей понимавшая, о чем идет речь, прелестница протянула: «А что... Это было бы о-о-очень интересно...» Из чего был сделан окончательный вывод, что Ахматову «не особенно обидели» и идти к ней необязательно.

К Зоценко было решено явиться в зимней форме суворовского училища, чтобы дать понять:

Его поддерживает и приветствует армия. Можно было надеть белую летнюю форму, но гимнастерки всегда выглядели жеваными, складки на них держались плохо, мялись от ремня, к тому же на фуражку полагался дурацкий белый чехол... Но мы хоть и были два идиота, все-таки сообразили, что он может испугаться. Не сам Зоценко, он – храбрый человек, боевой офицер и ничего, конечно, не боится. Но жена может подумать, что мы пришли его арестовывать. Мы не понимали, что мы еще маленькие, кто стал бы нас пугаться? (ГВ)

Посоветовавшись в танке, мальчики решили пригласить с собой Вику, попросив ее надеть белую кофточку – «для успокоения жены». Девочка отнеслась к походу очень ответственно и оделась во все в белое, даже выпросив у матери новые белые туфельки на каблучке. Лишь красный беретик красовался на светлой головке, и «получались цвета польского флага». В бюро Госсправки без труда выяснили адрес Зоценко: канал Грибоедова, дом 9, квартира 122 (позднее Зоценко переехал в квартиру 119 того же дома, где сейчас находится его музей).

Направляясь вдоль канала к дому писателя, мальчики несколько «сдрейфили». Появилось смутное опасение, что «совершаем мы какой-то антигосударственный акт». День был пасмурный, холодный, от канала веяло сквозной сыростью, и хотелось повернуть назад. Но рядом в белом и красном вышагивала зеленоглазая длинноногая девочка – и отступить было невозможно.

Дверь открыла женщина, вероятно, жена Зоценко. «Миша, это к тебе», – сказала она, впуслав подростка, и ушла на кухню, продолжая прерванный разговор с сидящими там людьми. Зоценко был очень любезен со своими неожиданными гостями, но находился в таком подавленном состоянии, что в ответ на их военное приветствие и утешительные слова, стал растерянно уверять гостей в своей преданности советской власти. Вспоминал, что воевал с бандами Махно в Гражданскую войну, проливал кровь. Говорил, что не понимает, что антисоветского усмотрели в его произведениях: «...может быть, за границей что-то сказали». Ребята попросили почитать повесть «Перед заходом солнца» и рассказ «Приключения обезьянки», которые упоминались в постановлении, но Зоценко сказал, что у него дома их нет. Он был очень бледен, что, как позднее узнал Владимов, было следствием немецкой газовой атаки в Первую мировую войну. Но в тот августовский день им показалось: «сидит бледный, потерянный человек, говорит тусклым голосом». Через полчаса подростки ушли, тоже подавленные.

Каверин со слов Зоценко упоминает об этом визите в своих мемуарах: «Вдруг он сказал почти весело, с добрым лицом, как вскоре после доклада Жданова к нему пришли три суворовца с одной девочкой шестнадцати – семнадцати лет – пришли, чтобы “отдать дань уважения” (так было сказано), – и он поспешил выпроводить их из квартиры.

– Хорошие мальчики, – тепло улыбнувшись, сказал он, – фуражки держали по форме на локте левой руки. Я за них испугался.

Он недаром испугался за мальчиков. По приказу Главного штаба специальная комиссия приехала в Ленинград для разбора этого дела»³³.

³³ Каверин В. Эпilog. С. 86–87.

Один из них, Каверин или Зощенко, напутал, говоря о «*трех суворовцах*» и о том, что их исключили из училища. Владимов подробно писал об этой и других деталях в книге «Долог путь до Типперэри».

Вернувшись после посещения писателя, троица уселась в Вероникиной комнате и, вытащив книгу рассказов Зощенко, принялась читать вслух. Ребята очень развеселились, и тут начался второй акт драмы: «В мои пятнадцать лет я, кажется, впервые узнал, сколько в мире предательства – и самого бескорыстного, безвыгодного»³⁴. В каждой комнате ведомственных коттеджей были двери, соединявшие ее с соседним помещением. Двери были заложены тонкой, в один кирпич, кладкой, не доходившей до верха, так что звуки проникали из комнаты в комнату довольно беспрепятственно. После ухода мальчиков Вероника вышла на кухню, куда выскочила соседка с вопросом: «*Над чем это вы так смеялись?*» И девочка доверчиво ответила: «*Мы Зощенко читали*». «А можно посмотреть?» – попросила та. Вика любезно вынесла книгу. Взяв ее, соседка «...сняла передник, вымыла руки и шею и с книжкой почала в политотдел»³⁵.

По ее доносу в начале сентября обоих суворовцев вызвали «*на ковер*». «*По молодой дурасти*» ребята не только сознались, что они читали крамольного писателя, но и добавили, что были у него в гостях, о чем до сих пор никто из начальства не подозревал. Владимов писал позднее, что мотивом их признания был страх: «Лучше мы сами на себя донесем, это нам зачтется... Мы не просто были дураки, а дураки круглые»³⁶. Такого немыслимого афронта никто от «волчат» не ожидал. Разразился грандиозный скандал. Из Москвы специально приехал полковник Антон Лаврентьевич Гордиевский³⁷, кричавший на ежедневных допросах, что Георгий и Геннадий «*опозорили погоны армии*». Они вызывались в кабинет по одному.

«Ты мне скажи, – возмущался Гордиевский, – для чего вы пошли к этому подонку, хулигану?» «Мы решили пойти, поговорить: как? что? У нас оставались вопросы, мы хотели узнать, что Зощенко сам об этом думает?» «Вы что же, – повысил голос Гордиевский, – пошли проверять, правы ли партия и правительство? А ты понимаешь, что такое честь офицера? Офицеру дается пакет: доставить, хотя бы и ценой собственной жизни. В случае пленения съесть его, а потом застрелиться. Офицеру и в голову не может прийти – проверять, что в этом пакете написано. Вот что такое честь офицера-чекиста!» (ГВ)

На что ершистый Жора ответил: «Ну, если мне его и съесть нужно, и стреляться из-за него, я, наверное, посмотрю, из-за чего умереть придется». «Вот, – кричал Гордиевский, – вся твоя гниль в этом». Распаяясь и все больше повышая голос, он обозвал подростка «соп-ляком». Тот оскорбился до слез: «Вы не смеете меня оскорблять! На мне погоны армии!» «Вы эти погоны опозорили, – объявил Гордиевский, – и мы их с вас сорвем на плацу перед училищем, под барабанный бой». Это казалось страшнее уничтожения, которым полковник пугал вначале. В «*уничтожим!*» не особенно верилось, а позорное наказание считалось в училище великим

³⁴ Владимов Г. Долог путь до Типперэри. С. 54.

³⁵ Владимов Г. Долог путь до Типперэри. С. 54. В интервью Е. Константиновой в «Вопросах литературы» (см. библиографию) написано, что донесла соседка Зощенко, но, возможно, это была ошибка при записи или недопонимание: в книге и в интервью мне Владимов рассказывал, что это была сослуживица Марии Оскаровны, соседка по ведомственной комнате, где жила с матерью Вероника Масевич. Именно поэтому он писал о «бескорыстном предательстве».

³⁶ Там же. С. 55.

³⁷ По воспоминаниям Владимова, и так написано в повести «Долог путь до Типперэри», А.Л. Гордиевский был в то время полковником. Олег Антонович Гордиевский при личной встрече в Лондоне сказал Владимову, что его отец был в 1946 году майором. Но в газете «Известия» от 28 сентября 1945-го, с. 1, сообщается о награждении орденом Красного Знамени подполковника Гордиевского. Точной информации о звании О.А. Гордиевского осенью 1946 года на доступных сайтах мне найти не удалось.

бесчестием. Вместе с Жорой учился сын повара Берии, Шатал Ртвеладзе. Повар *«для солидности и престижа»* получил звание полковника медицинской службы. Курсант Ртвеладзе с помощью куска мыла открыл и ограбил ларек, за что с него были на плацу сорваны погоны. Но *«повар, вероятно, отлично готовил»*, и погоны вернулись на плечи Шатала Ртвеладзе довольно быстро. Были и другие случаи, когда погоны надрезали и отрывали перед строем, а наказанный должен был месяц ходить в десяти шагах позади строя.

Но страх охватил не только подростков: *«Вся иерархическая лестница перепугалась до обморока. Крамола в самом сердце чекистского образования, в военном училище, где обучали “бериевских волчат”! “Кого вы там воспитываете? Я вот скажу Лаврентию Павловичу!” – кричал Абакумов»*. Отвечать за мальчишеские выходки училищное начальство категорически не хотело. Поэтому сначала Гену и Жору пробовали убедить, что они к Зощенко не ходили, а придумали это посещение *«для пущей важности»*. Но тут концы не сходились с концами: сам факт посещения скрыть было уже невозможно. Тогда *«начались странные вопросы»*, и, наконец, было высказано предположение, что, вероятно, троица посетила Зощенко *до* постановления от 14 августа, что, конечно, не похвально, но более простительно. Виновные, не понимая игр начальства, спасавшего свою шкуру, *«упирались рогом»*, предъявляя квитанцию с числом из Госсправки. Поскольку Жора упрямылся больше всех, оперуполномоченный госбезопасности Василий Емельянович Мякушко³⁸, который вел дело о посещении Зощенко, сказал Геннадю: *«Вы лучше уговорите своего легкомысленного друга. Потому что, если вы будете настаивать на своем, вас обоих просто уничтожат»*. Постепенно угроза лишения погон, огромное давление на ребят и матерей дали о себе знать. *«В конце концов, мы свое дело сделали. Выразили Зощенко сочувствие, он будет помнить, что мы приходили»*. И Гена с Жорой согласились на подтасовку фактов.

Но Вероника повела себя иначе. Намеренно опоздав к назначенному часу, она с хладнокровным достоинством ответила на слова Мякушко, что ее друзья посетили Зощенко *«до»* постановления:

- Они так говорят? Ну, значит, они были до. А я была – после. Так что не могу ничего комментировать.
- Ладно, – сказали они, – ступайте, милая девушка, с богом. Ваших поклонников мы накажем, а вы идите.
- Вы их, надеюсь, не расстреляете?
- Мы разберемся. Без вашего участия.
- Конечно, – сказала она. – Я даже не представляю, что бы вы да не разобрались. И даже – без моего участия³⁹.

Но она не была курсантом, и, вообще, в этом мужском мире она была *«девочка»*, так что на нее начальство смотрело иначе. Жора ждал ее в коридоре.

С тем обмиранием сердца при виде любимой, какое лишь в юности бывает, я стоял за этим огнетушителем или пожарным краном, прислонясь к стене. Она прошла, не повернув ко мне головы, только бросила через плечо:

– Тряпка!

И это осталось в душе тем колюще-режущим предметом, который не дает о себе забыть и саднит по сии дни. И кажется мне, и тогда показалось, что предпочтительнее были бы плац, общее построение и барабанный бой⁴⁰.

³⁸ В книге Владимирова и в рассказах мне он называл Мякушко капитаном, но, согласно официальной биографии В.Е. Мякушко (см. ниже в тексте), он был в то время старшим лейтенантом.

³⁹ Владимов Г. Долог путь до Типперэри. С. 74.

⁴⁰ Там же. С. 73.

Это был момент, глубоко повлиявший на его личность. В презрении девочки и рано испытанном чувстве жгучего стыда – исток личного бесстрашия, крайней бескомпромиссности и обостренного чувства чести, которые отличали в будущем писателя и правозащитника Георгия Владимова: *«Это было ужасно. Но потом я твердо знал, что большие со мной такого позора не случится никогда в жизни, даже под угрозой смерти. И появилась какая-то внутренняя свобода»*. «Стыд – это чувство свободного человека, а страх – это чувство раба», – писал Ю.М. Лотман⁴¹.

После согласия мальчиков на «до», колесики закрутились веселее. Были состряпаны «персональные дела» и проведено комсомольское собрание, на котором Мякушко провозгласил: «...органами проверено», – что курсанты Панарин и Волосевич ходили к Зоценко до постановления. Провинившимся был вынесен строгий выговор с занесением в личное дело «за потерю бдительности». Начальство облегченно вздохнуло.

Родители также не избежали наказания, хотя они ни о чем заранее не подозревали. Мать Вероники вынуждена была уволиться из училища и не могла найти после этого приличной работы. О последствиях для Марии Оскаровны речь впереди. Геннадия Панарину закрыли путь в Военную академию, куда он с детства стремился. Его распределили на дальнюю погран-заставу, ставшую местом его ранней гибели.

Владимов, окончив училище с серебряной медалью, выбрал гражданский путь, что разрешалось медалистам. В своей поздней неоконченной повести он пишет о полковнике А.Л. Гордиевском с чувством зрелой признательности, уже осознав на долгом опыте, что, покричав, пошумев и погрозив, тот уберег подростков от более страшной кары⁴². Интересно, что Мария Оскаровна, жестоко расплатившаяся за детскую смелость сына, позднее писала Владимову в Москву, перечисляя людей, которые могли бы ему помочь: «...не погнушайся, в крайнем случае найди полковника Гордиевского. Он не откажет в помощи бывшему суворовцу, тем более что он сочувственно относился и к моим злоключениям» (18.02.1957, FSO).

Уже упоминалось, что первая неоконченная часть задуманной Владимовым автобиографической трилогии посвящена этой истории. Если бы Георгий Николаевич успел ее дописать, у нас был бы завершенный портрет эпохи, увиденной глазами подростка, почти ребенка: о бесчеловечности тирании, об абсурде и жестокости ее прихлебателей и холуев, об искореженных судьбах, о сломленных и погибших людях. И о высоте человеческого духа, на которую поднялись в сырой августовский день 1946 года светловолосая девочка в красном беретике и два мальчика в суворовской форме, идущие выразить свое уважение гонимому писателю. Эта неоконченная повесть свидетельствует о том главном в личности человека, что подвергается крайнему испытанию в страшную эпоху террора: о чести, которую, как рано и остро осознал будущий писатель, нужно беречь смолоду. Владимов берег всю жизнь.

⁴¹ Лотман Ю. Воспитание души. СПб.: Искусство – СПб., 2003. С. 499.

⁴² Владимов Г. Долог путь до Типперэри. С. 75.

* * *

Наталия Кузнецова – Льву Аннинскому

21.10.1991

...Он пишет прелестную вещь, может быть, впервые о себе. Случайно в дни путча я обнаружила в «Неве» за 1988 год (вот так у нас в эмиграции циркулируют журналы) в мемуарах В. Каверина, в главе о Зоценко, рассказ последнего о трех суворовцах и девочке, пришедших к нему выразить свое чувство после доклада Жданова. На самом деле, суворовцев было два, и один из них – Ваш старинный объект критики, тогда еще 15-летний. Столько же было и красивой девочке, которую он любил трепетно лет десять, а может, и посейчас любит, ведь память о любви – тоже любовь. Название (пока) – «Шинель Дзержинского». Замысел возник в те минуты, когда телевидение показывало свержение «Железного Феликса» во всех ракурсах и подробностях. Я на это смотреть не могла, Жора смотрел с грустью и сказал, что это все другие вышли из «шинели Гоголя», а он – из шинели Дзержинского. Ведь он погоны носил не алые, а голубые, учился в училище «войск НКВД» и мечтал стать великим разведчиком вроде полковника Лоуренса Аравийского, но на платформе советской власти. Да все испортил Жданов, назвавши Зоценко «подонком литературы», чем была задета и честь будущего Лоуренса, поскольку он тогда писал стихи и даже какой-то утопический роман.

Вы очень точно подметили... две доминанты автора – одиночество и чувство чести. Обоих мальчиков сломили тогда, пригрозив сорвать с них перед строем училища погоны, которые они «опозорили». Наказание – всего на месяц, все-таки не исключение, но, тем не менее, заставили отречься от своего поступка, сказать на комсомольском собрании, что были у Зоценко *до* постановления о «Звезде» и «Ленинграде».

Мне кажется, на основе 26-летнего бесконечного знакомства, что Жора – человек личностного, точнее – единоличного поступка; в стаде он пассивнее, даже глупее, во всяком случае, размышлять может лишь наедине с собою, равно как и решения принимать. Наверное, сказался тогдашний слом, поселивши в душе страх перед «правосудием» коллектива, когда пришлось встать и заявить: «Нет, я вас не опозорил», – тогда как позором и было это отступничество.

И вот теперь, спустя 45 лет, сам Зоценко через Каверина – возвратил ему тот поступок: вы были у меня *после*.

Занят он этим сюжетом чрезвычайно, портрет красивой девочки (впрямь – красивой!) прочно утвердился на столе, перед машинкой, и время от времени писатель мне задает вопросы: как это называется, когда волосы подвязывают

красной лентой? А я отвечаю: это называется «с лентой в волосах». Или еще что-нибудь в этом роде⁴³.

⁴³ *Аннинский Л.* Удары шпагой // *Владимов Г.* Долог путь до Типперэри. С. 237–238. Вся переписка Г. Владимирова, Н. Кузнецовой и Л. Аннинского будет цитироваться по этому изданию.

Глава пятая

История о том, как Жора Волосевич на себя доносы писал

*Рвусь из жил – и из всех сухожилий,
Но сегодня – не так, как вчера!
Обложили меня, обложили,
Но остались ни с чем егеря!*

Владимир Высоцкий. Охота на волков

Получив в Суворовском свободное распределение, Георгий Волосевич подал документы в Ленинградский университет: *«Было очень противно, что университет даже после смерти Жданова все еще носил имя палача, но выбора не было»*. Он мечтал поступить во ВГИК в Москве и колебался между профессиями режиссера и сценариста, но Мария Оскаровна, боясь разлуки, решительно воспротивилась.

Призвание тянуло на филологический факультет, но там был риск. Медалисты принимались на другие факультеты без экзаменов, но так как на филфаке был особенно большой конкурс, экзамены должны были сдавать все. Если бы не удалось поступить на дневное отделение, Георгия призвали бы в армию. Он выбрал юридический факультет, куда брали без экзаменов, и позднее был рад этому решению. Факультет давал не только знание советских законов, но и лучшее понимание советской реальности. Георгий начал учиться успешно и с интересом. После жесткого распорядка Суворовского училища в университете появилось свободное время, и он жадно набросился на книги, часто ходил в кинематограф и сделался заядлым театралом. Но эта радостная студенческая жизнь продолжалась недолго.

Охота на людей была приметой советского времени, и неизменным охотником были менявшие свое название органы госбезопасности. Уже упоминавшийся «Эпилог» Вениамина Каверина начинается главой «Засада», в которой описано, как ГПУ, гоняясь за Виктором Шкловским, устроило засаду на квартире его друга Юрия Тынянова, действуя по принципу героя поздней советской комедии: «Всех впускать, никого не выпускать». В течение трех дней в дверь гостеприимных Тыняновых позвонили более двадцати друзей, знакомых и сослуживцев. Все немедленно и насильно втаскивались в квартиру и запирались в трех комнатах. Одним из них оказался нищий, позвонивший, чтобы попросить милостыню. Попав в западню, он был чрезвычайно доволен кормежкой, трижды в день бесплатно поставляемой ГПУ. По сравнению с черными лестницами, где бедолага мыкался ночами, мягкий стул в теплой гостиной был великолепным улучшением его квартирных условий, и, сытый, он сладко дремал в тепле, наслаждаясь непривычной роскошью. Шкловский между тем улизнул в Германию через финскую границу. Фарсовый абсурд этой охоты разросся позднее в повторяющийся и знакомый всем по литературе (например, «Дети Арбата» Анатолия Рыбакова) и устным семейным традициям ряд преследований, побегов, спасений и арестов.

Охотником на студента Волосевича был все тот же В.Е. Мякушко, не особенно довольный тем, что история с Зощенко окончилась *«малой кровью»*. Получив звание капитана, он перешел на работу в Большой дом на Литейном, курируя Военно-медицинскую академию и Суворовское училище, где он вербовал стукачей, не выпуская из вида Марию Оскаровну и ее сына.

В университете у Жоры появился новый близкий друг Илья Белявский. Мальчик из семьи потомственных юристов, он был не по возрасту начитан и образован. Его прекрасные манеры очаровали Марию Оскаровну, которая была очень довольна новой дружбой сына. И когда в Суворовском училище был организован культпоход на балет Рейнгольда Глиэра «Красный мак», она, купив три билета, пригласила и Илью.

Соседом по ряду оказался В.Е. Мякушко. И пока на балете очарованная публика следила, как прима-балерина «быстрой ножкой ножку бьет», в мозгу капитана созрел грандиозный план: «...раскрыть “дело” о преступной организации, связывающей Суворовское училище и университет», – и представить его в Военно-юридическую академию в качестве дипломной работы. Честолюбец явно грезил о «красном дипломе» и новой звездочке на погонах, но ему нужен был «материал».

Увидев рядом с Жорой его университетского друга, Мякушко оживился, навел справки и «пригласил» Илью Белявского на тайную встречу в квартиру на Лиговке. Там грубовато, без долгих речей и церемоний потребовал от него писать доносы: «Вы не можете отказаться, мы вас посвятили в секретное и важное задание. За вашим другом Волосевичем числятся серьезные поступки против советской системы, о которых вы даже не подозреваете. Если вы – не враг, вы обязаны исполнить долг честного советского человека», – с угрозой в голосе нажимал Мякушко. У безупречно порядочного Ильи не хватило сил отказаться, но хватило мужества открыться другу: «Что же нам делать?» – в ужасе повторял он. Много позднее он рассказал Владимову, что в ночь после встречи с капитаном он был близок к самоубийству: «Вы представляете себе, сколько миллионов таких чистых мальчиков провели бессонные ночи, навсегда сложенные своим предательством?» – сказал мне Георгий Николаевич. Выслушав отчаянное признание друга, Жора отнесся к ситуации неожиданным образом: «А мы будем писать на меня доносы, так даже лучше, у меня хоть контроль будет. Я буду сочинять, а ты – переписывать своим почерком и отдавать “шефу”...»

Начался новый творческий период, очень далекий от детского утопизма Юнгляндии. С того дня и в течение последующих двух лет студент-отличник юридического факультета Ленинградского университета имени Жданова Георгий Волосевич оттачивал свое перо в уникальном литературном жанре: сочинении политических доносов на себя самого.

Это казалось единственным спасением в те страшные годы: «Бесконечные разговоры о предателях, космополитах, “дело врачей”, ужас весь этот, мрак. Это были мои студенческие годы, тем больше всего и запомнились». Именно в этот период, по его собственному признанию, у Владимирова выработалось резко отрицательное отношение к системе в целом:

Появилось чувство охоты: система пытается догнать и схватить, а я убегал и чувствовал себя как одинокий загнанный зверь, против которого – лес! Это было время, которое меня, как человека, сформировало. Появилась свехосторожность, лишний шаг я боялся сделать, и одновременно – развилась какая-то неслыханная авантюрная дерзость (ГВ).

Он сообразил, что для достоверности нужно, «как говорят артисты, “войти в образ”, чтобы в доносах была последовательность. С этой целью была выбрана мною маска такого советского Че Гевары». «Таинственный шеф» Мякушко требовал от Ильи сведений о том, чем его друг «недоволен». В доносах указывалось, что студент Волосевич недоволен: «...слишком медленным развитием мировой революции. Сам Ленин говорил о том, что нужно прорваться “итыком в Европу”. И ведь был такой шанс во время войны, а мы его не использовали. Могли же не только весь Берлин и западные земли Германии победоносно защитить, но и Париж пощупать!» Мякушко эти доносы читал, по словам Ильи, с удивлением и «даже вроде симпатизируя». Тогда изобретательный Мякушко придумал новый ход: приближался юбилей Ста-

лина⁴⁴, и Илья должен был подбить друга на написание стихов о вожде. Мнимый революционер разбушевался: *«Такая грандиозная, величественная тема – разве можно тут халтурить?! Я недостаточно пока большой поэт, чтобы справиться с великой задачей. Она была бы под силу только Маяковскому!»*

Капитан требовал от Ильи вопросов, которые могли бы спровоцировать нужные ответы, про колхозы, например. В ответ автор доносов бойко изложил детские впечатления от работы в киргизском колхозе Чалдовар, гордо добавив, что там заработал свои первые трудовни: *«Времена, конечно, были голодными, но ведь шла война! Всем было трудно и голодно»*. Мякушко начинал терять терпение: красный диплом бледнел на глазах, и заветная звездочка улетала все дальше в небо. Тон капитана переменялся, и он стал обвинять Илью: или *«ваш друг с вами не откровенен»*, или сам Илья не все докладывает – *«например, о колхозах он некоторым своим другим друзьям и подругам совсем другое говорит»*. Упоминание о подругах наводило на след. *«Cherchez la femme, – объявил Жора другу, – есть какая-то девка, которая несется...»* Открытие оказалось очень мучительным. Он был глубоко влюблен в девочку, с которой разговаривал о многом вполне откровенно. Думать, что она, возможно, *«стучит»*, было непереносимо больно, и он стал держаться от нее подальше, прекратив романтические свидания. Встречая в университетских коридорах, пытался неумелыми вопросами навести на случайное признание, намекая, что ее видели на Литейном. Обиженная девочка сердилась: *«Что тебе дался этот Литейный?»* – и на вопросы о других адресах, куда таскали Илью на явочные квартиры, только отмахивалась. Через несколько месяцев после неутешительного окончания романа выяснилось, что доносицей была совсем не она. Все произошло, *«как в известном анекдоте об объявлении на двери спецотдела: “Замок сломался, стучите по телефону”»*. Однажды секретарша факультета *«по дурацки»* зашла на лекцию и, перебив профессора, во всеуслышание объявила: *«Битяй просят зайти в спецотдел”*. Все смолкли, а Битяй, толстая красивая украинка, покраснев, как бурак, сидела какое-то время не двигаясь. А потом встала и быстро, опустив голову, вышла из аудитории». И Владимов вспомнил, как однажды заболел профессор принимал экзамены на дому. Студенты сидели у него в прихожей, и Георгий пошутил, что сдаваемый предмет «колхозное право» было бы справедливее назвать *«колхозным бесправием»*, на что Битяй радостно подхихикнула и, как выяснилось, донесла. Таким образом, возлюбленная была реабилитирована, но, не догадываясь о терзаниях Жоры и причине его непостоянства, уже вышла замуж.

Материала *«для дела об организации»* не добавлялось, и Мякушко решился на серьезный расход. Илье отпускала сумма в 160 рублей, чтобы он пригласил друга отметить в ресторане день рождения и опять-таки задать ему *«вопросы»*. *«А мои люди посидят там, понаблюдают за вами, как вы общаетесь», – объявил он*. Ресторан был выбран «Метрополь» на Садовой: *«Моя месячная повышенная стипендия была 390 рублей, но, чтобы посадить человека, они денег не жалели»*. Жора с Ильей, впервые в жизни оказавшиеся в ресторане, с радостью попиливали *«на казенные деньги»* блинами с красной икрой и отменными шашлыками, но толку от этой баранины для капитана не вышло никакого. В конце концов Мякушко надоело возиться, и он объявил Илье: *«Ваш друг не антисоветчик, но в мозгах у него какой-то молочный кисель»*. *«Моя первая серьезная литературная удача! И самый сладкий молочный кисель за всю мою жизнь!»* – с улыбкой и не без самодовольства вспоминал Георгий Николаевич отзыв разочарованного капитана.

На предпоследнем курсе Владимов прошел большую преддипломную практику, принимая участие в работе следователя, секретаря суда и помощника прокурора по уголовным делам. Эта деятельность произвела на него очень сильное впечатление, прояснив многое в советской юридической системе. В последний университетский год он перешел на заочный, решив, что

⁴⁴ 70-летний юбилей Сталина праздновался 21 декабря 1949 года.

так будет меньше на виду. Мария Оскаровна была в лагере, и он непрерывно чувствовал себя «в осаде». Учась на заочном, работал кем придется – верхолазом, разнорабочим, грузчиком, чтобы хоть как-то прокормиться, заплатить за угол и помочь матери.

Окончив университет без распределения, так как заочников работой не обеспечивали, Георгий Волосевич ни дня не работал по своей юридической специальности. С его анкетой: отец пропал без вести, депортированный с оккупированной территории во время войны, мать в ГУЛАГе, – ни на какую работу, связанную с юриспруденцией, его бы не взяли. Но знание законов и правовое мышление оказались позднее важны в его правозащитной деятельности.

Глава шестая

Судьба матери

*Как пошли нас судить дезертиры,
Только пух, так сказать, полетел...*

Александр Галич. Вальс, посвященный уставу караульной службы

Но в своей охоте на убежденную коммунистку Марию Оскаровну Зейфман капитан В.Е. Мякушко был удачлив. После скандала из-за посещения М.М. Зощенко сыном и его друзьями мать подвергли «суровой критике». Мария Оскаровна была обвинена в том, что сын ее воспитан в «чуждом духе». В 1952 году она была исключена из партии с набором обычных для той поры, а также «космополитических» грехов:

- Вдохновила сына на поход к Зощенко.
- После двенадцати лет развода искала информацию о попавшем в плен и пропавшем во время войны муже.
- Преклонение перед Западом, проявившееся в утверждении: «... Александрович поет так хорошо, потому что прошел итальянскую школу вокала».
- Вела разговоры об антисемитизме, якобы существующем в СССР, о несуществующем гонении на евреев, о сомнительности «дела врачей» – извращала линию партии в национальной политике (ГВ)⁴⁵.

На робкое возражение Марии Оскаровны, что сын посетил Зощенко «до постановления», партийная комиссия издевательски рассмеялась. Но это был лишь первый акт назревающей драмы.

Владимов с детства помнил атмосферу сталинских чисток в армии, возбуждение, скрытый страх и взаимные уверения взрослых в правильности и справедливости происходящего. Но сквозь все их желание веры в тихих разговорах «прорывалась нотка удивления от количества разоблачаемых шпионов». После войны был арестован друг и начальник матери латыш полковник Лепинь. Мария Оскаровна не верила в его вину, считая, что «произошла ошибка» и «должны разобраться». Но вскоре стало известно, что Лепинь расстрелян, что действовало на всех в училище очень угнетающе.

В Петродворце соседями Марии Оскаровны по коттеджу была офицерская семья, родители и дочь. В 1952-м в училище, как и во всей стране, царил всеобщий страх перед репрессиями. Уже было арестовано несколько преподавателей, и «чекисты чистили, как могли». Сосед, честный и храбрый офицер, награжденный многими орденами за отвагу, не выдержал: зарубив жену топором, он повесился в своей комнате. Двенадцатилетняя дочь, придя из школы, обнаружила висящего окровавленного отца и убитую мать на полу. Георгий прибежал на ее крик: «В комнате пронзительно, жутко кричала, визжала девочка и было два мертвых тела. Весь пол был залит кровью». Это был страшный случай, потрясший всех в училище и отразивший невыносимую и бесчеловечную атмосферу в стране.

Приставленные к Марии Оскаровне стукачи доносили о ее откровенных высказываниях, которые Мякушко усердно подшивал «в дело». Человек искренний, страстный и очень открытый, Мария Оскаровна считала, что Сталин и партия не могли быть виноваты в безобразиях,

⁴⁵ См. также: Владимов Г. Долог путь до Типперэри. С. 72.

связанных с антисемитской истерией «кампании против космополитизма» и «дела врачей», в вину которых она не верила совершенно. Антисемитизм раньше не был для нее темой размышлений или разговоров, но в те страшные годы она рано уловила в официальной политике антисемитский дух. Происходящее в стране она считала *«преступным отклонением от партийных норм»*. Но ведь кто-то же отвечал за творящиеся в стране безобразия? И Мария Оскаровна решила, что весь корень зла – глава органов госбезопасности Лаврентий Павлович Берия, и не скрывала своего отношения к *«этому негодяю»*. Рано повзрослевший сын предупреждал мать и просил быть осторожной. Но целостная натура Марии Оскаровны не укладывалась в шизофренические рамки двойной жизни, и скрывать свои взгляды она не могла и *«не считала нужным»*, так что на отличную дипломную работу капитану Мякушко материала хватило с лихвой.

15 декабря 1952 года около десяти часов вечера Жора возвращался домой с тренировки по боксу. Под правым глазом красовался большой синяк, приобретенный в честной борьбе. Подходя к дому, он с радостью увидел свет в окне их комнаты. Это значило, что мать ждала его с горячим ужином. Впереди была вкусная еда, сладкий чай и долгое чтение в постели. У дома стояла легковая машина.

На пороге комнаты его остановил крик: «Оружие имеется?» В вырванном из рук и распахнутом спортивном чемоданчике невинно трепыхнулись боксерские перчатки. Жору поразило, что люди *«были в разных костюмах. Один в форме майора артиллерии⁴⁶, другой – лейтенанта летных войск, третий – капитан пехоты»*. В комнате шел обыск. *«Решено вашу мать арестовать, – объявил “артиллерист”, – а вы продолжайте учиться, пользоваться тем, что вам советская власть предоставила. Надеемся, что вы вырастаете и будете настоящим советским человеком»*. Обыск продолжался до четырех утра, перебирали и составляли опись вещей. Конфисковали сберегательную книжку Марии Оскаровны с накоплениями – 300 рублей старыми деньгами⁴⁷ и *«обручальное кольцо из желтого металла, 56 пробы»*. Мать потерянно стояла в углу.

У нас и обыскивать-то было нечего: две койки с казенным бельем, полочка с посудой, примус на кухонном столике, за которым мы обедали и читали. Несколько томов Пушкина и парочка библиотечных книг. Чемодан под кроватью, где, в зависимости от сезона, хранились летние или зимние вещи. Может быть, им полагалось не меньше какого-то времени тратить на обыск. Ходили нахмуренные, надутые, молчали с важным видом. Стены несколько раз простукивали, за обоями колунали, ныряли на пол, как клоуны в цирке, подолгу рассматривали щели в потрескавшихся половицах (ГВ).

Наконец, объявили, что сын и мать могут проститься. Он обнял вдруг задрожавшую мать и пошел за уводящим ее конвоем. Перед тем как вывести на улицу, ей зачем-то велели заложить руки за спину, и материнское пальто, застегнутое на одну пуговицу, топорщилось сзади. Когда подошли к стоявшей на улице «Победе», Мария Оскаровна хотела оглянуться на сына, но «артиллерист», грубо нагнув ее голову, втолкнул в машину. Жора стоял в тренировочном костюме один на зимнем морозе и смотрел на заднее окно отъезжавшей машины. Он видел исчезающую маленькую материнскую головку, испытывая чувство *«такого отчаяния и беспомощности, которых я не чувствовал потом никогда в жизни»*. Чужие люди увозили в неизвестный и страшный мир единственного родного ему человека. Они увозили дом, ее близость, горячую еду, вечернее наслаждение чтением, ее стихи и пушкинские цитаты. Пронзительное чувство любви и жалости к матери осталось в нем на всю жизнь. Он не был легким сыном, как

⁴⁶ Этот «майор артиллерии» возник в романе «Генерал и его армия», как любивший маскарад майор Смерша Светлооков.

⁴⁷ Средняя зарплата обычного преподавателя была в то время 770 рублей.

и она – легкой матерью. Но, часто раздражаясь и сердясь, он всегда заботился о ней, делясь последним, и в его письмах читается неостывающее желание скрасить и как можно лучше устроить ее жизнь.

Мякушко состряпал на Марию Оскаровну увесистое досье, которое и было развернуто в ходе процесса. Состоялось три заседания суда, посвященных делу *«государственной преступницы»*: первое слушание «дела» прошло 12 марта 1953 года – через неделю после смерти Сталина. На втором закрытом заседании суда 25 августа 1953 года она была признана виновной и осуждена по статье 58, пункт 10, часть 1: 10 лет лагерей за «антисоветскую агитацию и пропаганду». Приговор был подтвержден военным судом 27 октября 1954 года.

По словам Владимова, против матери выдвигались три основных обвинения. Во-первых, ей, как и при исключении из партии, вменялись в вину разговоры о том, что *«культ личности» насаждался против воли Сталина и являлся отклонением от партийной линии и норм»*. После смерти Сталина и в быстро меняющейся политической атмосфере страны это обвинение потеряло всякий смысл. Во-вторых, Мария Оскаровна категорически не верила в «дело врачей», считая его антисемитской кампанией, т. е. *«искажала национальную политику партии»*. К моменту ее осуждения «дело врачей» было прекращено и невиновность обвиненных признана официально. Но судья пояснил ей, что *«врачей просто пожалели, а они, конечно, были виноваты»*, поэтому обвинение остается в силе. И, наконец, в-третьих, Мария Оскаровна была уверена, что Сталин и партия виновны в антисемитском шабаше быть не могли, но были введены в заблуждение Л.П. Берией, что означало *«злостную клевету на руководящих членов партии и правительства»*. Тот факт, что Берия ко времени приговора был расстрелян как *«враг народа, тайный агент царской охраны и английский шпион»*⁴⁸, судей не поколебал.

Пока мать была в тюрьме, сын переживал те события, которыми жила вся страна. К концу 1953 года, по воспоминаниям Владимова, в печати кое-где стали появляться статьи, употреблявшие выражение «культ личности». Они еще не были антисталинскими, в них даже приводились цитаты из Сталина, хотя Георгий Николаевич утверждал: *«Но уже становилось понятным для тех, кто умел читать между строк, что культ личности разрушается. Думают, что это впервые появилось на XX съезде, но я точно помню, так как был соответственно настроен, что все это возникло куда раньше»*. Нужно отметить необычную политическую проницательность очень молодого человека, уловившего эти первые веяния⁴⁹.

«Все тщательно составленные капитаном Мякушко обвинения против нее сътались, как карточный домик». Однако освобождать Марию Оскаровну *«никто не торопился»*. Ее держали в одной из камер-одиночек прилегающего к Большому дому здания на Шпалерной⁵⁰. В камере и потом в тюремной больнице Мария Оскаровна Зейфман писала стихи, которые глубоко восхищали сына, как свидетельство силы и несгибаемости ее духа. Он хранил их всю жизнь и помнил с молодости наизусть⁵¹. Георгий, сам живший в постоянном страхе ареста, постепенно заподозрил, что тюремные власти скрывают от матери последние события. Сын стал ломать голову, как передать ей записку с информацией. В Большом доме на Литейном два раза в месяц родственникам подследственных разрешалось передавать продукты и кое-что из одежды, весом не более 2 килограммов. Кто-то из стоящих в очереди посоветовал Георгию передавать побольше фруктов, потому что в тюрьмах был страшный авитаминоз. Посылку в специально сшитой торбочке с чернильным именем заключенного принимал пожилой сер-

⁴⁸ Л.П. Берия был казнен 23 декабря 1953 года.

⁴⁹ См. напр.: Чупринин С. Оттепель. М.: НЛО, 2020. С. 33.

⁵⁰ Здание на Шпалерной – в то время улица Воинова, дом 25. Там находился ДПЗ (дом предварительного заключения), называемый в народе Шпалерка.

⁵¹ Сохранившиеся стихи Марии Оскаровны Зейфман находятся в архиве FSO. Тексты их опубликованы: Владимов Г. Письма матери в ГУЛАГ / Публ. С. Шнитман-МакМиллин // Знамя. 2019. № 3. С. 168–171.

жант, сидевший в окошке. Он проверял содержимое «на крамолу», а если ее не оказывалось, доставлял посылку и возвращал родным торбочку.

Из ведомственной комнаты через два дня после ареста матери Георгия «поперли»: *«Нашел вечером подсунутое под дверь письмо, что до одиннадцати утра следующего дня я должен освободить комнату. Я оставил записку, что выведу к вечеру, и пошел искать угол»*. Начались скитания по углам. Существование бомжа продолжалось семь лет, в течение которых он сменил почти двадцать мест жительства. Самым трудным было то, что намазывшиеся за день на тяжелых физических работах женщины, сдававшие углы, просили рано выключить свет, и читать или писать по вечерам было невозможно. Он снял угол в Петродворце, это было дешевле, чем в Ленинграде. Хозяйка и ее сестра, пережившие коллективизацию, очень сочувствовали ему и Марии Оскаровне, ругая советскую власть на чем свет стоит: *«Ить и деревни им, кровопийцам, не хватило!»* Хозяйка пекла пирожки с яблоком и картошкой для передач матери, но вкладывать записку в такой пирожок было рискованно: пирожки разламывались, особенно если были домашнего изготовления. Он попробовал вырезать сердцевину яблока и, вложив записку, заклеить его густым медом, но шов был замечен. И все-таки сообразительный сын нашел способ. Советский Союз завязал дружбу с Индией, на улицах и в магазинах продавались пластами индийские раздавленные финики. Он написал записку: *«Сталин умер, культ личности осуждается, врачи реабилитированы, Берия в тюрьме – враг народа и шпион. Политика меняется»*. Скатав записку в тоненькую трубочку, так, чтобы она была размером с финиковую косточку, и перевязав белой ниточкой, чтобы не разлезлась, Жора воткнул ее в финик, а финик втиснул поглубже в пласт. Проверил – заметно не было. *«Моя инженерная идея была, что она зубами почувствует что-то иное, не косточку, и посмотрит»*, – с удовольствием от собственной изобретательности пояснил Георгий Николаевич. Конечно, было опасение, что пласт разломают, но не каждый же плод – *«липкая работа»*. И удалось. Проведя в большом волнении пару часов, Георгий увидел сержанта, несущего назад его пустую торбочку. Мать нашла записку именно так, как он рассчитывал. Она знала лишь, что умер Сталин. Ей в тюрьме сказали, что Берия возвышен и Хрущев наверху. Хрущев же в те времена, по словам Владимирова, *«был личностью довольно мрачной: палач Украины, антисемит. Но прочитав мою записку, она взбодрилась и решила на суде защищаться. Однако не садись с дьяволом играть – переиграет»*.

Сыну разрешили присутствовать на заседании военного трибунала 27 октября 1954 года. Марии Оскаровне назначили адвоката, *«молодую девицу по фамилии Ярцева»*.

Илья специально приехал на три дня из Новосибирска, где работал по распределению. Он меня успокаивал, он был очень грамотный юрист. Мы вместе пошли на встречу с Ярцевой, и Илья подробно объяснял этой девице все закорючки и статьи законов. Он был красавец, так что она строила ему глазки и покорно записывала все себе в тетрадку. Но рассказать ей, что мать знала от меня о ситуации в стране, мы, конечно, не могли.

Когда суд начался, мать спросили, признает ли она себя виновной. На что она ответила: «Что же вы меня, граждане судьи, обвиняете, что я дурно отзывалась о Берии? Я была права – Берия оказался враг народа и шпион. Он арестован и казнен, а врачи реабилитированы, признаны невиновными». После ее речи последовала немая сцена, достойная бессмертного пера Гоголя... Ярцева, сволочь такая, стала делать большие глаза и усиленно трясти головой, давая понять, что сведения идут не от нее (ГВ).

Сбитый с толку суд удалился на совещание. Вернувшись минут через сорок, судья, маленький полковник в отставке, «жирненький особистик с лоснящимся розовеньким личиком, порошу не нюхавший», повел такую речь: *«Да, подсудимая, вы правы. Мы не разобрались в чер-*

ном *нутре* этого человека, но дело не в нем...» А дальше, по словам Георгия Николаевича, шла долгая словесная казуистика о том, что *«подоплека ваших высказываний была антисоветской»*, ибо, когда Мария Оскаровна неуважительно высказывалась о Берии, она говорила *«о том, кто был обличен высшим доверием партии и народа. Вы позволили себе ругать в его лице не его самого, но правительство, народ...»* – он долго и прочувственно нес эту ахинею. Подсудимая, по словам полковника, *«всегда отличалась умом сверхкритическим, и на нашу советскую действительность и деятельность родной партии смотрела критическим взором, даже кое-что сомнению подвергала, за что и была справедливо исключена из партии»*. Такими речами он легко довел измученную Марию Оскаровну до слез, так что она, махнув рукой, сказала: *«Ну, может быть, я действительно виновата»*, – и это был конец процесса. Суд удалился для вынесения приговора и повторил прежний: *«за “подоплеку” ввели ей 10 лет лагерей»*.

Это было не совсем то, о чем мечтал Мякушко. Капитану хотелось состряпать дело *«об организации»*, *«замести»* и сына и припать обоим 25 лет лагерей. Будь он успешнее, русская литература, возможно, никогда не узнала бы имени писателя Георгия Владимирова. Но так как дело Марии Оскаровны было дипломной работой капитана в Военно-юридической академии, он был осторожнее обычного: *«Совсем уж туфту он туда представить не мог, там все-таки были юристы-профессионалы»*, – так что полностью подделать все обстоятельства «дела» Мякушко не решился.

Сразу после первого суда свидание сына с матерью было уже в пересыльной тюрьме, возле Александро-Невской лавры. Особого контроля не было. Сидели за столиками: заключенные с одной стороны, родные с другой, на всех один надзиратель. Потом, в тюрьме, было хуже, приходилось кричать через две решетки, и надзиратель, которому все слышались разговоры *«о деле»*, бросался от одной пары к другой и грозил прекратить свидание.

После пересыльной тюрьмы Марию Оскаровну отправили в лагерь в Антропшино⁵², под Павловск. Лагерь был женский, и конвой с собаками водил заключенных на фабрику – клеить коробочки для медицинских лекарств. Условия, по тогдашним меркам, были сносными, так как работали в помещении, в тепле. Но нормы – 120 коробочек за смену – были для матери слишком высокими. Она не справлялась, ее наказывали лишением продуктов. Раз в месяц сын мог передавать посылки по 2 кило и крошечные суммы денег, которых не хватало самому. В письмах он старался отвлечь мать от страшной тюремной реальности. Зная горячую любовь Марии Оскаровны к русской литературе, он рассказывал о своем чтении, интересах и стремлениях. В его письмах чувствуется горячее желание сохранить духовную близость с единственным родным человеком и показать матери свой интеллектуальный и творческий рост. Сохранилось восемь писем, относящихся к периоду 1953–1954 годов. Первое из них было послано в Андропшинский лагерь⁵³:

Здравствуй, милая мамочка!

В это воскресенье я приехал к тебе в Антропшино, но у вас был карантин, и пришлось вернуться восвояси. Почему ты меня не предупредила письмом? Впрочем, знаю твой лимит⁵⁴, и поэтому особенно не обижаюсь. Думаю, что смогу к тебе приехать во вторник 29-го числа. Напиши, пожалуйста, на Ленинград, когда кончится карантин и что тебе привезти. Итак, прошел год твоего заключения, а надежд пока маловато.

Пишет ли тебе Ида? Если не пишет, то сообщи мне, я с ней поговорю по телефону. Будь добра, не проси у нее денег, я тебе сам пришлю. Надеюсь,

⁵² В поселке Антропшино Ленинградской области находилась исправительно-трудовая колония (ИТК) № 25.

⁵³ Владимов Г. Письма матери в ГУЛАГ. С. 155.

⁵⁴ Лимит на переписку при обычном режиме означал два письма в месяц.

что тех, что тебе передал, тебе хватит до 3–4 января, а потом я получу. Сейчас надеюсь провести одну операцию с деньгами, и если что-нибудь выиграю, будут деньги для московской поездки к К.Е.⁵⁵. Впрочем, напиши, я как-нибудь выкручусь, и пришлю еще сотню.

Долго я тебе не писал и прошу за это прощения – усиленно работаю над заказом из Москвы. Для этого пришлось подкрепиться – читаю Белинского и впервые оцениваю могущество этого великого критика. Оказывается, критиковать гораздо труднее, чем самому делать. Видишь несовершенное, а помочь ничем не можешь (кроме, конечно, советов на исправление и на будущее) – ибо должен быть беспристрастен.

Но сила Белинского как раз в том, что он умел сочетать беспристрастность с горячей любовью к критикуемому объекту или – горячей неприязнью.

И вообще мне его метод нравится – думаю его применять: сначала давать расширенный фон и определить свои эстетические воззрения, наметив позиции, а потом (примерно в третьей части статьи) – переходить к самому произведению. У нас же – начинают с места в карьер и в результате – никакой цельности. Это хорошо, это – плохо, а в общем: «Несмотря на перечисленные недостатки и т. д.». Следует шаблонная формула о ценном вкладе в золотой фонд.

Так-то. Ну, бывай здорова, жди моего приезда во вторник. Крепко целую и жду письма.

Твой Жора. 22.12.53

Напиши, кто еще были великие критики?

Из Андропшино через несколько месяцев Марию Оскаровну перевели на Березниковский химический завод⁵⁶, находившийся в Молотовской (ныне Пермской) области. Работа была изнуряющей, воздух пропитан сероводородными парами. Мария Оскаровна начала изнемогать, но тут пришло спасение. В каждом советском лагере была обязательная художественная самодеятельность. «Кум по культурной части», узнав, что она «и на пианино играет, и стихи сочинять умеет», забрал ее к себе, избавив от работы на производстве. Кроме музыки, мать занималась театром и скетчами. От эков и зэчек, желавших принять участие в ее спектаклях и сценках, отбою не было: иной возможности встретиться и совокупиться с противоположным полом в лагере не представлялось. «Девки», молодые уголовницы, «или косяками», надеясь забеременеть и стать «мамочками», чтобы избавиться от физической работы. Мужчины с энтузиазмом отзывались на их горячее пожелание. Мать смотрела на все это сквозь пальцы, отвечая за самодеятельность, а не за «моральный облик» ее участников. Мария Оскаровна писала также стихи в лагерную стенгазету. Начальство гордилось и приводило ее в пример другим заключенным, как «перевоспитавшуюся преступницу»: «Они считали, что она начала сочинять стихи под их благотворным влиянием. Но, главное, что она получала добавку к пайку».

В лагере с Марией Оскаровной произошло несчастье. В старом бараке, где она жила, обвалился потолок, бревнами убило двоих заключенных, а ей сильно попало по голове. Пришлось накладывать швы, и к тому же была повреждена рука. Играть на пианино она больше не могла, но, главное, стала быстро слепнуть.

⁵⁵ К.Е. – инициалы Климента Ефремовича Ворошилова. «К.Е.» упоминается в письмах Владимирова дважды, и один раз он пишет, что надеется поехать к Ворошилову похлопотать за мать. Ворошилов был с марта 1953 года Председателем Верховного Совета СССР, и, согласно Конституции 1936-го, право помилования входило в его компетенцию.

⁵⁶ Березниковский химический завод – это предприятие меняло название несколько раз. В то время он назывался Березниковский анилиноокрасочный завод.

Подведя под очередную амнистию, 20 января 1955 года Марию Оскаровну активировали. Но из лагеря она вышла только в конце февраля. Жить было негде, пенсии по инвалидности не хватало даже на самое скромное питание. Материнское «имущество» Жора хранил в своем углу. Третьему человеку в той же комнате было не поместиться. Марии Оскаровне пришлось пойти на канцелярскую работу на маленький заводик, где ей платили копейки, и снять свой угол. В письмах сыну она очень жаловалась на плохое с ней обращение начальника. Но, оставаясь сильным человеком после своих тяжелых испытаний, она в какой-то момент задала такую словесную трепку заносчивому бюрократу, что тот притих и перестал мучить ее и других женщин. Она подробно писала об этом сыну, который с веселым одобрением относился к ее неостывшей боевитости.

Бездомной матери было очень тяжело ютиться по углам. Снять такие углы для нее было труднее, чем для сына. Она часто жаловалась ему в письмах, что женщины постарше хотят «студентиков» в надежде устроить личную жизнь дочерей, племянниц или внучек. А «накрашенные дамочки» мечтают о «солдатиках» – дефицит мужчин в стране после войны и из-за репрессий был огромным. На состоянии Марии Оскаровны сказывался возраст, подорванное здоровье и чувство глубокой несправедливости, выбившей ее, лояльную советскую коммунистку, из нормальной жизни. В реабилитации Марии Оскаровне отказывали дважды на том же основании «антисоветской подоплеки». Когда Владимов попал на работу в «Новый мир», ему посоветовали («Кардин, кажется, посоветовал») обратиться к главному редактору журнала Константину Симонову – депутату, лауреату и орденоносцу – с просьбой помочь матери в реабилитации. Владимов был предупрежден, что вся просьба должна занять не больше минуты, так как Симонов ненавидел длинные обращения. *«Я без репетиции, очевидно, уложился в 59 секунд, потому что он немедленно поднял трубку и заказал машину, чтобы ехать на улицу Воровского, где располагалась Коллегия Верховного суда. Там оказались рады “пойти навстречу уважаемому Константину Михайловичу”»*. Не обращая никакого внимания на Владимова и какую-то там «подоплеку», решили вопрос о реабилитации его матери «по-свойски», за десять минут. Симонов, пожав руку – «с вас, Жора, причитается», – уехал, а Владимову через полтора часа вынесли бумажку.

Военная Коллегия
Форма № 30
Верховного Суда Союза ССР
30 апреля 1957 г., номер 4н – 02223/53
Москва, ул. Воровского, д. 13.

Справка

Дело по обвинению Марии Оскаровны Зейфман пересмотрено Военной коллегией Верховного Суда СССР 16 апреля 1957 года.

Приговор Военного трибунала войск МВД Ленинградской области от 12 марта 1953 года и определение военного трибунала войск МВД Ленинградского округа от 25 августа 1953 года и военного трибунала Ленинградского военного округа от 27 октября 1954 года в отношении Зейфман М.О. отменены и дело прекращено за отсутствием состава преступления.

Председательствующий судебного состава Военной Коллегии Верховного Суда СССР полковник милиции Цырлинский (FSO)

«Это был самый прекрасный советский документ, который я когда-либо держал в руках! Так и решались судьбы: сначала отнять у человека годы жизни и сделать инвалидом, а потом десять минут с “дорогим Константином Михайловичем” – и всё в полном ажуре». Мария Оскаровна была безмерно рада реабилитации, ощущая ее как возвращение гражданского достоинства. Постепенно ее бытовая ситуация существенно изменилась к лучшему: годы лагеря засчитали как стаж, а так как работала она до ареста в системе органов госбезопасности и дослужилась до капитана, то получила вполне приличную пенсию и через некоторое время комнату на Васильевском острове. Она очень хотела, чтобы сын вернулся в Ленинград и жил с ней, но он чувствовал, что его судьба теперь связана с Москвой.

Позднее Владимов купил матери однокомнатную квартиру в Пушкине. Мария Оскаровна была в восторге от парков, близости лица, всей атмосферы города: *«Пушкин был для нее царь и Бог».*

Вскоре мать обратилась к сыну с новой мечтой: помочь ей восстановиться в партии. Владимов раздражался ужасно: *«Что ты ломишься в эту партию, зачем она тебе? Мало тебе того, что эта партия тебя в лагерь посадила?»* *«Она же и освободила, партия!!!»* – горячо возражала Мария Оскаровна. К ее горю, сын наотрез отказался помогать. Хотя потом он успокаивал и обнадеживал мать, смирившись, что для нее членство в партии было очень важно. И даже передавал по инстанциям ее письма и звонил в разные партийные органы, старясь ей помочь. В конце концов ее все-таки восстановила Комиссия партийного контроля. Она начала посещать собрания партийной ячейки при своей жилконторе. Но когда навещавший мать Владимов при гостях упомянул, что она сидела в одиночке в тюрьме на Шпалерной, Мария Оскаровна на него накинулась. Она скрывала от *«партийных товарищей»* свое лагерное прошлое. Ее поэтический талант расцвел в местной печати города Пушкина. Она писала под псевдонимом М. Оскарова, и в газете «Вперед» у нее даже появилась своя колонка «сатирических фельетонов» в стихах «Кузьма Припаркин – репортер». В мае 1972 года Марии Оскаровне была вынесена специальная благодарность от газеты за ее литературную деятельность. Владимов это трогало и веселило, и он сохранил подборку ее публикаций. Отрывок из одной, «О пользе фосфора в рыбе», он однажды процитировал, когда я приготовила на ужин рыбу:

Предрассудок есть известный,
Будто рыбы бессловесны,
Если б вы бывали там,
Подивились их речам:
«Взяли б нас на сушу,
Мы бы
Показали, что за рыбы.
Слух по свету бы прошел,
Как полезен рыбный стол.
Всем – от скумбрии до хека
Жить для пользы
Человека».

(FSO)

В этот период жизнь Марии Оскаровны была вполне благополучной. Но с ее советским мировоззрением ей было трудно позднее смириться с правозащитной деятельностью сына. Хотя, когда о Владимове заговорили «вражеские голоса», некоторые соседи и друзья стали поздравлять ее со знаменитостью в семье, и Мария Оскаровна стала испытывать что-то похожее на гордость. Однако, страшась за сына, она просила его бросить эту деятельность, предсказывая: *«Либо ты в тюрьму загремишь, либо тебе Родину придется покинуть».* Готовясь к

эмиграции, Владимов уговаривал мать поехать с ними, но Мария Оскаровна к тому времени была уже почти неподвижна: ее сильно толкнули в магазине, упав, она сломала обе ноги, и у нее случился частичный паралич. После нескольких микроинфарктов 10 октября 1984 года Мария Оскаровна скончалась. Владимов уже жил в эмиграции в Германии. Он обратился телеграммой в советское консульство, прося разрешения присутствовать на ее похоронах, но ответа не последовало. Марию Оскаровну похоронил университетский друг Владимова Илья Львович Белявский и его внука. По доверенности Георгия Николаевича он, получив единовременную последнюю выплату пенсии Марии Оскаровны, отправил ее Нине Васильевне Котляровой, двоюродной сестре писателя, той маленькой Ниночке, которая была с Жорой в эвакуации.

Краткое нелирическое отступление

Василий Емельянович Мякушко (1923–2014), сыгравший столь роковую роль в судьбе Владимова и его матери, начал свою карьеру инструктором физкультуры Дома культуры в городке Решетилка Полтавской области⁵⁷. В ноябре 1941-го он поступил на службу в НКВД, и первым местом его карьеры в органах госбезопасности был цитрусовый Сухуми, в котором он провел два с половиной года. В мае 1944 года уже сотрудником Смерша⁵⁸ он получил перевод в древний Кутаиси, поэтично именуемый «город мая и роз». Там, как разъясняется на сайте Пограничных и разведывательных служб, лейтенант Мякушко «обслуживал» Суворовское училище, переехав с ним в Петродворец в 1946 году.

В 1948-м он перешел на работу в Большой дом на Литейном проспекте. Прослужив несколько лет, Мякушко успешно отправил в ГУЛАГ Марию Оскаровну, и, можно быть уверенным, не ее одну. Он с отличием окончил Военно-юридическую академию Советской армии в 1952 году и поступил на факультет контрразведки школы № 101 МГБ/КГБ, завершив обучение в 1954-м. Мякушко провел несколько лет, работая в резидентуре КГБ в Париже, о чем вспоминал с особым удовольствием, как о лучших годах своей богатой трудами жизни.

Генерал-майор Василий Емельянович Мякушко дослужился до заместителя министра КГБ Украинской ССР и завершил свою блестящую карьеру на посту советника представительства КГБ СССР при МВД Болгарии.

Доблестный Мякушко был орденоносцем, награжденным двумя орденами Трудового Красного Знамени (1967, 1977), орденом Красной Звезды (1970), Отечественной войны I степени (1985), орденом Богдана Хмельницкого III степени (1985), знаком «Почетный сотрудник госбезопасности» (1958), «Почесний співробітник зовнішньої розвідки України» (2008), двумя нагрудными знаками за заслуги (2009) и бесчисленными грамотами.

Василий Емельянович Мякушко прожил более девяноста лет в довольстве и почете, охотно давая интервью, делясь воспоминаниями и профессиональным опытом со взрослыми и детьми и с видимым удовольствием позируя на фотографиях при всех своих великолепных регалиях.

⁵⁷ Керівники української зовнішньої розвідки. http://shieldands-word.mozohin.ru/personnel/myakushko_v_e.htm.

⁵⁸ Смерш – организация, существовавшая фактически с 1942 года, хотя официальные даты – с апреля – мая 1943-го и до 1946 года. Было три отдельных корпуса Смерша: относящийся к Военно-морскому флоту, к военной разведке и к Наркомату внутренних дел, о деятельности которого идет речь в романе Владимова. Более подробно см.: Смерш. Исторические очерки и архивные документы. С. 64–79; см. также: *Birstein V.J. SMERSH: Stalin's Secret Weapon: Soviet Military Counter intelligence in WWII* // London: Biteback Publishing, 2011. Pp. 177–192.

Глава седьмая

От «Пашского колхозника» до журнала «Театр»

С арестом матери в декабрьскую ночь 1952 года начался трудный путь взрослой жизни Георгия Волоосевича. «Век-волкодав» бросился ему на плечи, и он изо всех сил старался устоять на ногах. Ему был двадцать один год. Но он уже твердо знал, что его призвание – литература, и упорно, несмотря на голод, бездомность и одиночество, двигался к своей цели.

В университете Георгий увлекался драматургией и сочинил три пьесы и повесть: *«Посылал во все редакции, носил в театры, – ничего у меня не брали. За это можно только благодарить судьбу. Иначе мне теперь было бы очень стыдно – это была советская подражательная литература. Начал стихи писать, но быстро бросил, осознав, что я не поэт»*.

После окончания университета он попробовал устроиться в газету «Вечерний Ленинград», ездил по заводам и писал очерки:

Но начальство их печатать не могло – руки славных чекистов и сюда дотянулись. Я принял приглашение сельской газеты и выехал из Ленинграда на 212-й километр в село Паша на реке того же названия. Газета называлась «Пахский колхозник» и обслуживала в основном голодные, нищие колхозы, но и лесорубов, сплавщиков, рабочих речного флота. Проработал я в газете месяца три, всю зиму 1953–1954 года. Свой «угол» в Ленинграде я сохранил за собою, и почти все заработанные деньги тратились на поездки, но жить совсем без города в медвежьем углу было невозможно (ГВ).

Его университетские друзья Илья Белявский и Алексей Новицкий уехали по распределению: Илья в Новосибирск, Алексей в свой родной город Орел. Оба, сговорившись, весной 1954 года записались на курсы повышения квалификации в Москве. Георгий приехал к ним на три дня, счастливый возможностью повидаться с близкими людьми – редкий случай в его «волчьем» одиночестве. Илью и Алексея поместили в общежитии, куда, дав небольшую взятку, они «протащили» Георгия. В первый день, гуляя по дождливой Москве, он купил билет на дневной спектакль в «Ленкоме». Шла пьеса Алексея Арбузова «Годы странствий» в постановке режиссеров Софьи Гиацинтовой и Владимира Соловьева и в оформлении известного театрального художника Александра Васильева. Спектакль так поразил молодого человека, что, выйдя из театра, он купил текст пьесы в ближайшем книжном магазине⁵⁹. Уже в поезде по пути в Ленинград он начал читать «Годы странствий», делая записки для будущей рецензии.

⁵⁹ Я предполагаю, что это было издание: Арбузов А. Годы странствий. М.: Искусство, 1954.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.